

0-793726

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ИЛЬЧЕНКО Ольга Сергеевна

**ФЕНОМЕН ОДУШЕВЛЕННОСТИ
В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ**

10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург – 2012

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор
Колесов Владимир Викторович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Лысакова Ирина Павловна
(Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена)

доктор филологических наук
Бурыкин Алексей Алексеевич
(Институт лингвистических исследований РАН)

доктор филологических наук, доцент
Семенов Петр Александрович
(Балтийский институт иностранных языков
и межкультурного сотрудничества)

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Защита состоится *29 марта 2012 года* в 16.00 часов на заседании совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан «18» февраля 2012 г.

И. о. ученого секретаря диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

Современное лингвистическое знание, вырвавшись из тисков «чистой лингвистики», устремлено к восстановлению *целостности* языка как научного объекта и *интеграции* аспектно ориентированных теорий, что диктует изучение языка в единстве его *статики* и *динамики*, языковой *формы* и заключенного в ней когнитивного *содержания*, исследование языковой *системы* и языковой *деятельности*, рассмотрение языка в *синхронии* и *диахронии* (Жаналина 2009).

В контексте научной парадигмы «ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКЕ» определенный историко-философский и собственно лингвистический интерес вызывает проблема *семантически сопряженных категорий, бинарных оппозиций* во взаимодействии с *причинностью* (Малиновичи 2009), к числу которых можно отнести и такие соотносительные оппозиции, как ЖИВОЕ ↔ НЕЖИВОЕ, ОДУШЕВЛЕННОЕ ↔ НЕОДУШЕВЛЕННОЕ.

Одним из наиболее влиятельных и бурно развивающихся направлений функциональной лингвистики последних лет является «*теория грамматикализации*»¹. Как показал типологический анализ данных более 400 языков мира, представляющих все основные языковые семьи и ареалы, зачастую результаты грамматикализации могут быть объяснены на основе определенных *метафорических переносов*, при которых непространственные ситуации осмыслиются в терминах *пространственных*. Особое внимание уделяется обсуждению механизмов переосмысления исходных пространственных значений (Майсак 2005). Знание *путей грамматикализации* вооружает лингвиста способностью предсказывать вероятные изменения языковой системы в будущем, а также делать высоковероятные предположения о состоянии данной языковой системы в прошлом. Таким образом, реконструкция грамматической системы языка непосредственно опирается на *теорию грамматикализации*.

Актуальность работы. Грамматикализация родительно-винительного падежа (P=B), ставшего показателем *категории одушевленности* в русском языке, уже более сотни лет вызывает неослабевающий интерес как отечественных, так и зарубежных историков русского языка² и порождает – со времен по-

¹ Многие из эксплуатируемых в зарубежных исследованиях *грамматикализации* идей достаточно давно высказывались в отечественной лингвистике, прежде всего И.И. Мещаниновым (Паршин 1996).

² Предыдущие исследования в основном были *узконаправленными*: исторический анализ осуществлялся на материале одного (Исаев 1958; Frink 1962; Лигай 1987 и др.) или нескольких памятников письменности (Лещинская 1949; Кедайтене 1958; Болек 1977; Мадоян 1980 и др.), исследовались отдельные проявления категории одушевленности в определенные эпохи (Граннес 1998 [Grannes 1984] и др.). Причем развитие категории одушевленности обычно рассматривалось отдельно от ее современного состояния, а проявления категории одушевленности в современном русском языке (Зализняк 1964, 1967; Ельмслев 1972 [Hjelmslev 1956]; Ревзина 1973; Бондарко 1976а; Ицкович 1980, 1982; Кедайтене 1982; Виноградов 1972, 1986; Чеснокова 1987, 1991; Нарушевич 1996; Русакова 2007 и др.) описывались вне связи с ее историческим развитием. Результаты многочисленных попыток установить причины возникновения и последовательность распространения P=B на различные группы существительных противоречивы (Булаховский 1939; Ушакова 1949; Шахматов 1957; Кузнецов 1959;

лемики Н.П.Некрасова (Некрасов 1905; 1909) и А.И.Томсона (Томсон 1908 а, б) – непримиримые споры.

В исторической русистике довольно точно установлены границы категории одушевленности как с ориентацией на процесс, закрепленный письменной речью (традиция), так и на «первую фиксацию» данного явления в памятниках письменности как факт ее развития в устной речи (Крысько 1994), однако в вопросах существа данного феномена, движущих сил развития «странной» категории, наиболее полно оформившейся в русском языке, до сих пор много темного. Все еще остаются неясными *генезис* $P=B$, соотношение между функцией показателя одушевленности и другими специфическими функциями Р.п., *механизм вариативности* падежных форм в позиции прямого (по аналогии – и косвенного) дополнения. Это и побудило направить основные усилия на *теоретическое* осмысление феномена «русской одушевленности», оказавшееся, однако, невозможным без рассмотрения (а иногда и решения) ряда фундаментальных *историко-генетических* вопросов. Поэтому автор не остался в стороне от «бурлящей многоголосицы конфликтующих лингвистических теорий» (Кибрик 2010: 21), полагая, что именно знания современных тенденций в *мировой теоретической лингвистике* всегда не хватало историку русского языка.

Трудность решения проблемы одушевленности, как проблемы по преимуществу диахронической (и – в некотором роде – глоттогонической), заключается в том, что без глубокого понимания механизма языковых изменений вообще, движущих сил развития языка, соотношения языка и мышления, причин коренной перестройки всей и.-е. системы, которую мы замечаем на всех уровнях языковой структуры и которая не закончилась и сейчас, эту проблему не решить в принципе. История языка показывает нам стадию перехода от одного типа славянского предложения к другому. Невнимание к сути синтаксической перестройки препятствует адекватной интерпретации объекта в диахронии, поскольку мы имеем дело хотя и с внешне сходными синтаксическими структурами, но в существе своем отличными от современных нам конструкций. Именно по этой причине до сих пор не удавалось увидеть взаимосвязь *поверхностных* явлений с *глубинной* семантической структурой.

Выявление причин «генитивного маркирования» одушевленного объекта в славянских языках (полнее всего – в русском) заставило обратиться к закономерностям формирования *семантико-синтаксической структуры предложения*. В *фокусе одушевленности* обнаружился запутанный «клубок» самых разных явлений, которые на первый взгляд никак не связаны с рассматриваемой проблемой. Но – только на первый. Поскольку, лишь распутав этот сложный «клубок», удалось вплотную подойти к решению вопроса о генезисе $P=B$.

Слабость предшествующих подходов заключается прежде всего в том, что традиция выделила эмпирическим путем факторы, влияющие на процесс развития $P=B$, но *теоретически* так и не смогла объяснить, *почему* и *при каких условиях* эти факторы становятся релевантными для *грамматических связей* и

отношений. Поэтому на повестку дня исторической русистики XXI в. встает вопрос не только и не столько о введении в научный оборот новых языковых фактов, но – прежде всего – о *переинтерпретации* известного материала в свете современных *когнитивных теорий*. Богатейший фактический материал¹, накопленный историками языка, настоятельно требует поиска новых *интерпретационных* методик. Оставаться на прежних позициях – значит топтаться на месте и не получить ответов на многие вопросы. Настало время *синтеза* фактов, соотнесения их с лингвистической теорией и на этой основе создания, наконец, адекватной и непротиворечивой концепции развития категории одушевленности / неодушевленности в русском языке, не игнорирующей – как настаивает А.Тимберлейк (Тимберлейк 1996: 19) – случаев *вариативности*.

Корифеями исторического языкознания выдвигались различные «узкие» гипотезы происхождения категории одушевленности, истоки Р=В искали в какой-либо грамматической форме или специфической конструкции, а популярное в прошлом веке обращение к теме одушевленности сводилось в основном к проверке каждой из них на языковом материале.

Первые попытки объяснить причину замены И=В именно Р.п. были приняты начиная со второй половины XIX в. Историю изучения Р=В (обзор см.: Сятковский 1972) можно разделить на два периода: 1) начальный период (до 1896 г.), когда Р=В не являлся еще предметом самостоятельного исследования и изучался наряду с другими падежными формами и.-е. и славянского склонения; 2) период, следующий за 1896 г., когда Р=В стал самостоятельным предметом изучения.

Оживленная дискуссия вокруг проблемы возникновения славянского Р=В разгорелась в конце XIX – начале XX в. Одни ученые (Meillet 1897; Мюленбах 1900 (1899); Кузнецов 1953, 1959; Якубинский 1953) сводили суть процесса к морфологической аналогии, другие (Vondrak 1900, Berneker 1904, Богородицкий 1935; Хабургаев 1990) обращали внимание также и на синтаксические аналогии. Исчерпывающе суть этих концепций изложена в (Болек 1977). Особого внимания заслуживают, по нашему мнению, взгляды А.И.Томсона, видевшего исходную точку в процессе возникновения Р=В в семасиологической стороне языка (Томсон 1908б: 245), и М.В.Ломоносова, показавшего на примерах различие семантики падежных форм (Ломоносов 1952: 561).

Большинство гипотез о генезисе Р=В опираются на три идеи: 1) то, что по форме выглядит как Р.п., в синтаксическом плане является В.п.; 2) употребление Р.п. в каком-то классе существительных предполагает, что в нем имеет место синкретизм И=В для данного числа и типа парадигмы; 3) употребление Р=В является производным от синтаксической функции генитива как падежа объекта. Мотивацию Р=В обычно искали в опасности смешения субъекта и объекта (А.И.Томсон) или в более абстрактном понятии маркировки одушевленных существительных в функции объекта (Siverstain 1977; Norrpeg, Thompson 1980). С этой точки зрения Р=В в славянских языках пред-

¹ Обширный корпус древнерусских текстов был введен в научный обиход В.Б.Крысько (Крысько 1994).

ставляет собой один из многих возможных механизмов, подобных, например, появлению в испанском употреблении выражающего направленность предлога *a*, который служит морфологическим показателем одушевленного (определенного, местоименного) объекта. Однако представляется важной именно *глубинная причина* поверхностного маркирования одушевленного объекта, ведь такая маркировка происходила не во всех языках и не во всех случаях даже в одном и том же языке (особенно на начальном этапе). Трудность всегда заключалась в определении механизма: *каким образом* первоначальный синтаксический Р. п. превратился в морфологический В. п., способный быть показателем одушевленности? (Тимберлейк 1996).

Последняя фундаментальная монография, посвященная категории одушевленности (Крысько 1994б), делает попытку опровергнуть традиционные постулаты исторической грамматики, подтвержденные, казалось бы, поколениями исследователей. Заключение В.Б.Крысько о нерелевантности каких бы то ни было факторов и наличии периода «свободной» вариативности Р=В и И=В явилось, по сути, уходом от проблемы одушевленности (Тимберлейк 1996: 11). Однако даже такое решение вызывает к продолжению: почему вариативность так долго удерживалась, почему она прекратилась и т.д.

Таким образом, проблема «русской одушевленности», несмотря на двухвековую традицию изучения, до сих пор ставит перед исследователями множество нерешенных вопросов. Их перечень стоит продолжить:

1. Почему языковая система не «восстала» против действия фонетических законов в праславянском языке (законов открытого слога и редукции конечного безударного гласного), допустив нейтрализацию Nom. и Acc. – падежных форм, призванных репрезентировать *семантическую детерминанту* языков номинативного строя – противопоставление субъекта и объекта действия (Г.А.Климов), тесно связанное с одушевленностью (Д.Лайонз)? Ведь фонетическая порча, по А.А.Потебне, разрушает только то, что ей позволено разрушать.

2. Почему вместо особой формы Acc. одушевленных имен – «падежа на **-m*» (В.Н.Топоров) – в праславянском языке появился так называемый Р=В? Каковы истоки этой падежной формы?

3. Почему Р=В первоначально фигурирует только в сингулярных именах м.р. и.-е. **o*-склонения?

4. Почему в книжном языке в течение столетий сохранялась вариативность Р=В и И=В?

5. Почему только в русском языке – единственном из всех славянских языков – наиболее полно оформилась категория одушевленности / неодушевленности?

Препятствием к решению вопроса о происхождении Р=В стало, на наш взгляд, то обстоятельство, что данная проблема была искусственно *отделена* от общей теории падежа. После пристального внимания А.Мейе к проблеме Р=В в специальной статье (Meillet 1897) Р=В стал самостоятельным объектом исследования, т.е. с этих пор ученые стали рассматривать данный вопрос *изолированно*, в отрыве от системы взаимосвязанных падежных значений. Однако фак-

ты нельзя вырывать из системы: любой падеж необходимо брать в сетке всех падежей (Булыгина 1961: 254; Реформатский 1987). Отрыв проблемы генезиса $P=B$ от *общей теории падежа* и функционирования частных падежных систем в и.-е. языках тормозит ее решение. Аккузативно-генитивная в своей сущности проблема грамматического выражения одушевленности, однако, не может быть ограничена рамками падежной системы, поскольку предложение – это единый семантико-синтаксический комплекс, технику соединения компонентов которого следует охарактеризовать как *синтаксическую фузию*.

В настоящее время представляется совершенно необходимым *вернуть* рассмотрение данного вопроса *в рамки общей теории падежных значений* и на этой основе, опираясь на труды предшественников и собственные аналитические построения, предложить непротиворечивую концепцию происхождения $P=B$, которая вобрала бы в себя предшествующие достижения научного знания.

Объектом исследования в диссертации является *одушевленность / неодушевленность* как явление истории языка, системы языка и речи.

Предметом исследования выступает *русская ментальность*, явленная сквозь призму масштабной сферы одушевленности в многообразии ее проявлений.

Цель исследования – реконструировать генезис категории одушевленности в русском языке в контексте смежных с ней грамматических категорий и с учетом ее роли в *семантико-синтаксической структуре* предложения¹ и его манифестациях – *высказываниях*, репрезентирующих *внеязыковую ситуацию*.

В качестве **исходной гипотезы исследования** выдвигается тезис об *аблативной основе* так называемого $P=B$ в русском и других славянских языках.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- показать основу семантического устройства категорий языка в свете теории *пространственного представления грамматической формы*;
- выявить *глубинную семантику* категории переходности и *инвариант смысловой структуры* глагольных конструкций с *генитивным управлением*;
- исследовать генетические связи славянского $P=B$; найти предпосылки для взаимозамещения и смешения и.-е. падежей (Nom.=Acc., Gen.=Acc., Gen.=Abl.), опираясь на понятие *исходной функции* падежа и *синкретизма значений*;
- выяснить *причины* изменений в системе падежных противопоставлений в определенных типах субстантивных парадигм, которыми сопровождалось развитие категории одушевленности в русском языке, и *условия колебаний* падежных форм в позиции прямого (а по аналогии – и косвенного) объекта; выявить весь *комплекс факторов*, потенцирующих или тормозящих семантику активности / пассивности;
- вскрыть *механизм* вариативности $P=B$ и $I=B$ в письменных памятниках различных стилей, жанров и происхождения, объясняющий неодинаковую

¹ Именно здесь проблема одушевленности смыкается со сложнейшими проблемами ближайшей и дальней реконструкции категорий славянского и – шире – и.-е. предложения¹.

частотность использования $P=V$ именами существительными различных лексико-семантических групп, и определить *семантико-стилистические функции* варьирующихся форм $P=V$ и $I=V$ в истории русского языка;

- выявить степень соответствия *глубинного семантического уровня* *поверхностному* уровню «проявления» объекта как одушевленного ($P=V$) или неодушевленного ($I=V$) в системе русского языка разных эпох.

Методологической основой исследования явились труды философов (Аристотеля, И.Канта, А.Ф.Лосева, П.А.Флоренского, С.С.Хоружего, М.Джонсона), отечественных и зарубежных лингвистов по теории грамматики (прежде всего – *теории падежа и диатез*) и истории языка (прежде всего – *о генезисе и содержательной функции языковых форм*), синтаксической типологии языков (*активность – эргативность – номинативность*), «прототипических сценариев» и семантических универсалий: В. фон Гумбольдта, М.В.Ломоносова, А.Х.Востокова, П.С.Кузнецова, А.А.Потебни, А.А.Шахматова, А.М.Пешковского, В.К.Поржезинского, А.И.Томсона, И.М.Тронского, В.В.Виноградова, В.Г.Адмони, С.Д.Кацнельсона, И.И.Мещанинова, И.И.Ревзина, О.Г.Ревзиной, В.Н.Топорова, А.А.Холодовича, Ф.Ф.Фортунатова, Е.В.Чешко, Ю.С.Степанова, В.Н.Ярцевой, А.В.Бондарко, В.В.Колесова; А.Мейе, Л.Ельмслева, О.Есперсена, А.В. де Гроота, Э.Бенвениста, Е.Куриловича, Л.Теньера, Ч.Филлмора, У.Л.Чейфа, Р.Якобсона, А.Вежбицкой, Дж.Лакоффа, Т.Гивона. Была принята во внимание идея математика А.Н.Колмогорова о падеже как *классе эквивалентных семантических состояний*.

Методы исследования. Невозможно истолковать *феномен одушевленности*, оставаясь в рамках истории русского языка, даже славянских языков, не прибегая к широким и.-е. сопоставлениям, так как *феномен одушевленности* в русском языке оказался возможным благодаря фундаментальным свойствам человеческого языка и мышления. Истоки «самобытнейшей и в чем-то даже странной» (Трубачев 2006 (1994): 437) категории одушевленности идут из «туманного» праиндоевропейского языкового состояния, вышедшего из еще более «темного» *дономинативного прошлого* и.-е. языков. Поэтому пришлось привлекать материал не только других ветвей и.-е. языка, но, по возможности, и факты языков других семей. Выбор языков осуществлялся с учетом их значимости для решения поставленного вопроса и соизмерялся с возможностями исследователя. Так, санскрит и латынь были выбраны как языки, сохранившие различия Gen. и Abl. Поскольку мы наблюдаем рефлексy праиндоевропейского состояния и в современных и.-е. языках, были выбраны англ. и франц. как аналитические языки разных ветвей, где, в сравнении с русским, те же смыслы выражаются с помощью других языковых средств (предлогов и т.д.), что позволяет при сопоставлении обнаружить в одном языке то, что скрыто в другом (явные и скрытые грамматические категории). Славяно-балтийские языки демонстрируют следствия одного и того же импульса в разных условиях. Таким образом, доминантой исследования является его *сравнительно-исторический ракурс*.

В мировой лингвистике все более обязательным становится описание каждого языка в *типологической перспективе* – разумеется, в той степени, в какой это возможно в настоящее время и которая под силу исследователю. Эволюция предложения связывает нас с проблемами лингвистической *типологии*, без учёта данных которой едва ли продуктивными могут быть конкретные исследования в области *семантики* языков. Механизм саморазвития и самоорганизации языка изначально универсален, но, работая в разных условиях, созданных той или иной *организацией общественного устройства* и необходимостью трансляции того или иного *типа культуры*, этот механизм порождает множество и разнообразие языков мира. Смысловое содержание инвариантно, однако языковая категоризация мира (в виде понятийных и грамматических категорий, явных в одном языке и *скрытых* в другом) в разных языках происходит неодинаково.

В соответствии с поставленными задачами в работе использовались следующие **методы исследования**:

- *сравнительный и сопоставительный* методы, способствующие выяснению происхождения и сущности оппозиции одушевленности / неодушевленности в русском языке;
- *конструктивный метод*, позволяющий показать способы представления пространственных структур в семантическом устройстве грамматических категорий;
- *метод трансформаций*, помогающий определить функциональные соответствия падежных форм;
- *метод наблюдения и описания* (в терминах структурно-семантического подхода), позволяющий проанализировать форму и семантику рассматриваемых языковых единиц;
- *элементы компонентного анализа*, помогающие вскрыть глубинную семантику рассматриваемых языковых единиц.

Стремление к строго научному анализу явления поставило автора перед серьезной проблемой *систематизации* понятий. Нельзя не согласиться с А.Ф.Лосевым, что традиционное языкознание, загруженное накопленными в течение десятилетий огромными материалами, несомненно, требует уточнения своих основных категорий и частичного пересмотра своих методов. «Необходимо признать целесообразным привлечение математики, как точнейшей дисциплины, для упорядочения и категорий, и терминов, и методов в языкознании» (Лосев 2004: 11). Однако лингвистика не есть математика, а математика не есть лингвистика. Смысл их «содружества» точно определяет В.А. Успенский: «Высший уровень научного анализа и систематизации — это *математизация*. Математизация отнюдь не сводится к выражению явлений в числах, таблицах и графиках. Числа, таблицы и графики могут вообще отсутствовать. Главное в математизации — это создание такого описания явления, которое было бы безупречным с *логической точки зрения*, а математика выступает здесь в роли оценщика (и одновременно идеала) степени логической безупречности» (Успенский 1997). Именно к такой систематизации мы и стремились по мере сил и возможностей. Поэтому значение и употребление основополагающих и неодно-

значно понимаемых в лингвистике терминов будут специально разъясняться в соответствующих главах.

Научная новизна определяется приоритетной *интеграцией* различных аспектов объекта в *антропоцентрическом пространстве*, что вызвано стремлением к созданию такой концепции *одушевленности*, которая бы связала *разноуровневые* языковые факты воедино и выявила их «работу» в языковом механизме. *Интегративный* принцип, обязавший автора к объединению *семасиологического* и *ономасиологического*, *синхронного* и *диахронического*, *системно-семантического*, *функционального* и *когнитивного* подходов, и опора на теорию *грамматикализации* позволили прийти к *принципиально новым* выводам о движущих силах развития категории одушевленности в русском языке.

Аблативная основа так называемого $P=B$, соответствующая *пространственному представлению грамматической формы* (контактный «падеж ВНЕ»), подтверждена фактами истории русского языка на широком сравнительно-сопоставительном фоне. Языковые модели русского языка впервые представлены *панорамно*, на фоне развития и функционирования и.-е. языковой системы, и соотнесены с возможностями человеческого мышления по *моделированию семиотических систем* и с *типами культуры*.

Впервые рассмотрены интегративные корреляции одушевленности с категориями активности / пассивности, известности / неизвестности, определенности / неопределенности, единичности / множественности в *лингвокультурологическом* ракурсе.

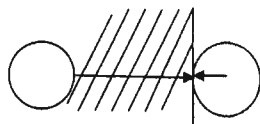
Впервые выявлена *концептуальная основа* «русской одушевленности» как явления не только грамматического, но и национально-ментального.

На современном материале (в том числе и с использованием базы НКРЯ) для существительных с колеблющимся показателем одушевленности выявлены *критерии выбора* падежной формы, управляемой переходным глаголом, которые до сих пор не получили подробного обоснования в аспекте *культуры речи* и *стилистики*.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. *Фундаментальная пространственная дихотомия ВНЕ ~ ВНУТРИ* как *первичный базовый концепт* (образная схема), распознаваемый в самых разных языковых структурах, лежит в основе семантического устройства грамматических категорий (виды, диатезы, падежи и др.). Критерием разграничения компонентов единой семантической структуры является понятие ПРЕДЕЛА. Причем *определенными положительно (+)* являются категории ВНУТРИ, а категории ВНЕ, рассматриваемые как таковые лишь по отношению к категориям ВНУТРИ, являются сами по себе *неопределенными (-)*, в связи с чем языковое развитие, стимулируемое потребностями человеческого мышления, направлено в сторону их конкретизации в дальнейшем. Эта дихотомия определяет, в частности, и *пути интерпретации* таких противопоставлений, как ОДУШЕВЛЕННОЕ (активное) ↔ НЕОДУШЕВЛЕННОЕ (пассивное), ЦЕЛОЕ ↔ ЧАСТЬ, ЧУЖОЕ ↔ СВОЕ и др.

2. Генетические связи славянского Р.п. и выделенный автором *инвариант смысловой структуры* [■→|○] глагольных конструкций с генитивным управлением (*Gen. negationis*, *Gen. limitationis*, *Gen. partitivus*, *Gen. animationis*) согласно свидетельствуют: приглагольный Р.п. в русском языке является **результатом грамматикализации** исконно *приглагольного* и *конкретного* и.-е. падежа *Ablativ*'а.
3. Прототипическая *переходная конструкция* есть абстракция, кодирующая перемещение энергии, вкладываемой в то или иное действие, из сферы *одушевленного субъекта* (○ – 'лишенность') в сферу *объекта-вещи* (● – 'наполненность'): [○→●]. Именно такая модель предполагает наличие «инструмента» (имплицитно или эксплицитно выраженного) как «проводника» энергии, обеспечивающего *контакт* и повышающего эффективность действия: [○→(●)→●]. *Локалистическая модель* (образная схема) переходного события, показывающая *прямой* (т.е. беспрепятственный) переход энергии от субъекта (через инструмент) на объект, который, становясь «вместилищем» исходящей от субъекта энергии, претерпевает какое-либо изменение, позволяет понять, почему именно *позиция прямого дополнения* явилась сферой «проявления» одушевленной семантики: волевая реакция живого существа на воздействие служит **ПРЕГРАДОЙ** (|) переходу энергии (///// – «энергия»):

4. Противоречие между семантической одушевленностью (активностью) объекта и страдательной ролью прямого дополнения в переходной конструкции приводит к семантико-грамматическому конфликту. В таких предложениях, отклоняющихся от *прототипического сценария переходности*, ведущую роль в выборе падежа в позиции прямого дополнения играет *ситуативное* представление об объекте, обусловленное специфической *общественного уклада* и *типом культуры*.
5. Вытеснение в глагольной системе прежнего поверхностного противопоставления *эндоцентричность* / *экзоцентричность* и развитие новой оппозиции *переходность* / *непереходность* привело к победлению предельной (resp. аблативной) семантики при лексически переходных глаголах. Тем не менее управляемый лексически переходным глаголом Р.п. (в том числе и Р=В), маркируя *менее тесную связь* субстантива с глаголом, сигнализирует о невозможности осмысления таких конструкций как *синтаксически переходных*. **Переходная конструкция** («глагол + И=В») кодирует ситуацию, когда собственная активность объекта исключена. Конструкцию «глагол + Р=В» следует считать **псевдопереходной**, поскольку она отражает ситуацию с возможностью проявления объектом собственной активности.

6. Пусковым механизмом развития категории одушевленности как великорусской языковой особенности явилась **актуализация мужского рода**, вызванная *экстралингвистическими факторами*. Принятие славянами христианства привело к преобразованию ментальности: от архаического *коллективистского* мировоззрения к онтологическому *персонализму* (индивидуализму); изменению *типа культуры*: от женской (матриархальной) культуры древних славян к мужской (патриархальной) средневековой культуре. Обе идеологии долгое время сосуществовали.
7. Варьирование падежных форм $P=B$ и $I=B$ наблюдается, как правило, в кругу лексем обладающих специфическим *семантическим потенциалом*, способным реализоваться не во всяком типе *контекста*. Важными оказываются *социально-правовой, историко-культурный и религиозно-философский (онтологический)* контексты.
8. В древнерусских текстах, где лексически одушевленное имя стоит в форме $I=B$, семантика одушевленности *ситуативно* не проявляется в силу архаической специфики *субъект-объектных отношений*, когда отождествляются субъект и объект как *части единого целого*, образующего личную сферу человека, границы которой подвижны. **Фундаментальная пространственная модель мышления «часть по отношению к целому»**, в основе которой лежит оппозиция $BNE \sim BНУТРИ$, представлена в древнейшую эпоху двумя основными *посессивными моделями*: «*один из своих*» и «*хозяин—слуга*». Таким образом, форма $I=B$ на *поверхностном уровне* отражает *глубинную семантику посессивных отношений* – *неотчужденной (органической или неорганической) принадлежности*.
9. Вариативность падежных форм $I=B$ и $P=B$ на разных стадиях развития категории одушевленности определяется как лексическим значением глагола, так и лексическим значением самого объекта, а чаще – совокупностью их значений и самим характером *субъект-объектных отношений*, т.е. *ситуативной семантикой*.

Теоретическая значимость исследования определяется познавательным контекстом *антропоцентризма*. Именно антропоцентрическая парадигма позволяет дать многомерное описание объекта как *целостного* явления в непротиворечивой совокупности различных его сторон и указать *причины* постановки историками языка одних и тех же проблем в течение многих лет. *Логический анализ* языка, примененный не только к синхронии, но и к диахронии, позволил перебросить мостик от древности к современности. *Теория пространственного представления грамматической формы* дала возможность по-новому взглянуть на проблему генезиса $P=B$ в русском языке. Путем анализа «точек неустойчивости» в разные периоды русского языка, когда универсальные, но иногда скрытые категории начинают вдруг активно обнаруживать себя, раскрывается *сущность механизмов*, задающих направление языковым изменениям.

Диссертация подводит *теоретический фундамент* под многолетние исследования развития и функционирования категории одушевленности в русском языке.

Практическая значимость. Материалы и выводы могут быть использованы в лекционных курсах исторической и сравнительной грамматики русского, так и других и.-е. языков; при разработке спецкурсов и спецсеминаров по проблемам грамматической семантики, падежной грамматики, истории категории одушевленности на филологических факультетах университетов и педагогических институтов; при создании учебно-методических пособий для вузов и общеобразовательных учреждений; в процессе проведения занятий на курсах повышения квалификации учителей-словесников; в практике преподавания русского языка как родного и иностранного.

Материалом исследования послужили опубликованные памятники письменности, иллюстративные материалы исторических словарей русского языка разных эпох, в большинстве случаев Словаря русского языка XI–XVII вв. Привлекались примеры из текстов художественных и публицистических произведений русских писателей от Пушкина до наших дней, а также из научных изданий, детской литературы (художественной и научно-популярной) и периодической печати второй половины XX – начала XXI века, значительная часть которых извлечена из лингвистического поискового Интернет-ресурса НКРЯ. Количество языковых единиц в картотеке – около 10000.

Апробация работы. Основные идеи исследования обсуждались на *IV Международном конгрессе исследователей русского языка* (Москва, МГУ, 2010 г.), *12 международных* (Москва (3), Санкт-Петербург, Алушка, Баку, Казань, Краснодар (2), Ростов-на-Дону, Ставрополь, Тольятти), *4 межвузовских* (Новороссийск) научно-практических конференциях и получили отражение в 33 публикациях по теме исследования, в числе которых 2 монографии и 9 статей в ведущих рецензируемых журналах из перечня ВАК.

Результаты диссертационного исследования **внедрены в учебный процесс:** использованы автором при чтении лекций (до 2009 г.) по теоретическим курсам «Введение в языкознание», «История лингвистических учений», «Общее языкознание», проведении *практических занятий* по дисциплинам «Русский язык и культура речи», «Латинский язык» (для студентов специальности «Филология» Кубанского государственного университета (филиал в г. Новороссийске)), при чтении лекций (2009–2011 гг.) по *интегративной дисциплине* «Культурология» (для курсантов Военно-транспортного университета (института) ЖДВ и ВОСО в г.СПб, Петродворце).

Развивая научно-методические традиции Н.Н.Дурново, А.М.Пешковского, Л.Теньера, автор содействовал внедрению результатов своего исследования *проблемы межкультурального взаимодействия* синтаксической позиции, падежа, переходности / непереходности и одушевленности / неодушевленности в широкую практику преподавания русского языка (см. список публикаций), готовя учителя к доступному изложению столь сложных для школьников языковых феноменов.

Структура диссертации. Диссертация состоит из *двух частей*, которым предпослано общее **введение**.

ЧАСТЬ I, объясняющая *феномен одушевленности* в русском языке на уровне **абстрактных структур**, содержит *введение, 2 главы и заключение*.

ЧАСТЬ II, объясняющая феномен одушевленности на уровне манифестации абстрактных структур, включает введение, 3 главы и заключение.

Далее следуют заключение ко всей работе и библиографический список (источники, указатели, словари, литература).

С целью увеличения информационной емкости текста и наглядности представления языковых структур в работе широко используется *остенсивное* представление наиболее важного материала – имеются многочисленные *чертежи* (таблицы, схемы, рисунки).

Содержание работы

Во **ВВЕДЕНИИ** обосновываются актуальность проблемы и выбор темы, указываются предмет и объект исследования, цели и задачи, методы и приемы, методологическая основа, материал исследования, определяется научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, описывается структура диссертации, формулируются положения, выносимые на защиту.

ЧАСТЬ I «ОДУШЕВЛЕННОСТЬ ~ НЕОДУШЕВЛЕННОСТЬ В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ» открывается первой главой «*Одушевленность ~ неодушевленность в системе грамматических категорий*», в которой системно излагается авторская концепция семантического устройства, происхождения, изменения и взаимосвязей категорий в составе предложения¹. Развивается положение о том, что фундаментальная пространственная дихотомия **ВНЕ ~ ВНУТРИ**, являясь *первичным базовым концептом*, лежит в основе семантического устройства грамматических категорий, определяя, в частности, пути интерпретации противопоставлений **ОДУШЕВЛЕННОЕ (активное) ↔ НЕОДУШЕВЛЕННОЕ (пассивное)** (есть направленность *вовне* или она отсутствует), **ЧАСТЬ ↔ ЦЕЛОЕ** (*отчужденная и неотчужденная принадлежность*), **СВОЕ ↔ ЧУЖОЕ** (*находящееся в границах личной сферы и территории человека или за ее пределами*) и др.

Постоянное метафорическое использование *пространственных структур* в различных видах когнитивной деятельности человека вскрывает *стратегии абстракции*, в том числе и *грамматической*. Этот факт находит объяснение в *структуре* человеческой психики, к древнейшим оппозициям которой принадлежат пространственные представления. Анализ семантического устройства грамматических категорий показывает, что *определенными положительно* [+] являются категории **ВНУТРИ** (ср. в мифологии² *Митри* как структура, организация), а категории **ВНЕ**, рассматриваемые как таковые лишь по отношению к категориям **ВНУТРИ**, являются сами по себе неопределенными [–] (ср. в мифологии *Варуна* как аморфность), в связи с чем языковое развитие, стимулирует

¹ Излагаемая концепция формировалась под влиянием работ Э.Бенвениста, Л.Теньера, С.Д.Кацнельсона, И.М.Тронского, А.А.Холодовича и др.

² Мифологическая деятельность основывается на тех же законах, что и любая когнитивная деятельность человека.

мое потребностями мышления, направлено в сторону их конкретизации в дальнейшем.

Сложность структуры и.-е. (в том числе славянского) предложения, организованного по принципу «матрешки», раскрывается через первичное разграничение ВНУТРИ («базис») и ВНЕ («надстройка»).

Внешний (периферический) синтаксис как «надстройка» включает диахронически более поздние *дейктические* (эгоцентрические) категории (референция /в том числе *анафора*/, лицо, модальность, время, залог), а также *экзоцентрические* падежи и наречия как *внешние* пространственно-временные локусы¹ (сирконстанты), в которые помещается вся ситуация в целом, т.е. *локалистические метафоры внешнего* (поверхностного) представления действия со стороны говорящего.

Внутренний (центральный) синтаксис как «базис» характеризует ядро пропозиции, ее смысловой центр – *субъектно-предикатно-объектную* структуру. Этот целостный семантико-синтаксический комплекс, технику соединения компонентов которого мы характеризуем как *синтаксическую фузию*, включает диахронически ранние *семантические* категории (*вид* /способ действия/ и *диатезу*) как *локалистические метафоры* внутреннего устройства действия. *Вид* и *диатеза* отражают соответственно представления о временной и пространственной *локализованности* /*нелокализованности* действия, основанных на понятии *предела*.

Неопределенность локалистически трактуется как беспредельность (непредельность). Определенность действия достигается *полаганием предела* его протекания и распределения *во внутреннем времени* (перфект /инфект) и /или *во внутреннем пространстве*: граница сферы субъекта как *внутренний* предел (*эндоцентризм* (медий)/ *экзоцентризм* (актив)) и граница сферы объекта как *внешний* предел *экзоцентричному* (*центробежному*) действию. Беспредельность (непредельность) действия, направленного *во внешнее* пространство, характеризует первичную неопределенность *внешней диатезы* (актива). Отсюда принципиальная невозможность реконструкции положительного семантического содержания *актива*, хотя Ю.С.Степанов считал это одной из самых актуальных задач современного сравнительно-исторического языкознания (Степанов 1976: 416). Э. Бенвенист вскрыл саму суть явления, давая негативное определение актива – «как то, что не имеет признака медия» (Бенвенист 2002 (Benveniste 1950)). Дифференциация (уточнение) базовой неопределенной семантики «ВНЕ пределов» является вторичным уровнем категоризации: ограничение перемещения *внешним* пространственным пределом (достижение внешнего объекта) или направленность действия в сторону объекта (неопределенная в отношении его достижения). Способы уточнения направленного *ВОВНЕ* (*активного*) действия формировались последовательно вместе с развитием познания и абстрактного мышления: от конкретно-наглядного (*пространственно-*

¹ Отсюда «текучесть» границ между падежами с конкретными (семантически-ми) функциями и наречиями.

метонимического) мышления древнерусских летописей к абстрактно-логическому (*причинно-метафорическому*) мышлению религиозных текстов.

Анализируются два вида *самостоятельного* движения – *внутреннее* (качественное и количественное изменение) и *внешнее* («движение в отношении места» (Аристотель)), отраженные в древнейших диатезных противопоставлениях. **Живое** предполагает природную программу *внутреннего движения*. **Одушевленное** же понимается как способное к *внешнему* движению, т. е. перемещению *себя самого* («идти»); объектов *вместе с собой* («нести») – как неотчужденной принадлежности; объектов *отдельно от себя* («бросать») как отчужденной принадлежности; перемещению *с помощью инструмента* отчужденной от себя энергии («делать»). Именно «душа животных» отличается способностью «приводить в пространственное движение» (Аристотель).

Перемещение как «пространственное движение», являющееся основным видом движения (Аристотель), описывается с *антропоцентрической* точки зрения. Предпринимается попытка восстановления «семантического хода» при создании каждого из первичных маркеров: *-ø, *-d (*-t); *-s, *-m*. Дихотомия ВНЕ ~ ВНУТРИ представляется тем конституирующим (дифференцирующим) значением, которое породило универсальные грамматические маркеры для таких соотносительных характеристик системы «имя–глагол» как *отчуждаемая* и *неотчуждаемая принадлежность* в имени и *субъектное* и *объектное* спряжение в глаголе, впоследствии перешедших в падежные показатели и притяжательные формы.

Исследуя в диахронии различные конфигурации синтаксического сплава «имя–глагол», включающего и.е. диатезы-залог и падежи (без предлогов), автор выделил дихотомию ВНЕ ~ ВНУТРИ как *первичную, базовую*, из которой путем уточнения положительно не определенного *наиболее абстрактного* и потому универсального признака ВНЕ вырастают более конкретные (зачастую неоднозначные в разных культурах) пространственные координаты (близко /с контактом и без контакта/ и далеко, впереди /сзади и сбоку /справа и слева/, вверху и внизу и под.):

Семантические инварианты (образные схемы) значений падежных форм

Эндоцентрические падежи (актанты), представляющие *внутреннее* устройство действия (локализации, распределения энергии), «высвечивают» диатезу в имени. Эти грамматические падежи как абстрактные локалистические метафоры можно разделить на локусы *внутренние* – «*вместилища*» (● «наполненные») и локусы *внешние* (○ «пустые, лишенные»).

Причину перехода Gen. в Nom. и необходимость образования нового падежа принадлежности мы видим в формальном совпадении Gen.=Abl. в результате ассимиляций (Э.Бенвенист). Тогда становится понятным аблативное поведение «генитивных» форм (при глаголе *слушати*) и находит под собой почву и гипотеза В.Шмальстига о Gen. лица как эргативе (Schmalstieg 1987). Пространственная концепция развития и.-е. падежей проливает свет на многие спорные вопросы, касающиеся пересечения функций и реконструкции формантов Abl. и Gen. в и.-е. языках.

Образование падежа объекта на **-m* (**-n*) некоторые ученые связывают с процессом преобразования оппозиции *эндоцентричность* / *экзоцентричность* в новую оппозицию *переходность* / *непереходность* (Гухман 1985). Однако широко распространенное функционирование этого падежа после разнообразных глаголов движения (*ire Romam* «идти в Рим») в древнейших и.-е. языках (Попов 1881; Крысько 2006) заставляет усомниться в столь позднем образовании этого падежа. Если принять во внимание его основную пространственную функцию в древнейших и.-е. языках, то не меньше оснований полагать его первичное появление при глаголах движения в результате осмысления места назначения как цели перемещения, а потом – и цели действий.

«Движение всегда принадлежит тому, кто или чего-то избегает, или чего-то добивается» (Аристотель). В этом высказывании Аристотеля определены пути развития падежной системы и.-е. языков на базе первичной пространственной дихотомии наречного характера ВНЕ ~ ВНУТРИ, служащей для *иконического* отображения внеязыковой действительности, когда в результате подключения причинного мышления, возникают *неиконические* проекции: **-s* – кому принадлежит движение; **m* (**-n*) – маркер цели как двигателя (чего добиваются, к чему стремятся); **-d* (**-t*) – маркер опасности как двигателя (чего избегают, от чего удаляются).

Переосмысление падежных оппозиций связывается с преобразованием в глагольной системе прежнего противопоставления *эндоцентричность* / *экзоцентричность* в новую постепенно оформляющуюся морфологически оппозицию *переходность* / *непереходность*. Языковые конструкции обусловлены характером человеческой деятельности: от познания действительности – к ее преобразованию с целью выживания.

Во второй главе «*Одушевленность ~ неодушевленность в переходной конструкции*», исходя из пространственного понимания грамматической формы, объясняются *причины* поверхностного маркирования одушевленных имен в переходной конструкции как результата *межкатегориального взаимодействия*, впервые распознается *инвариант смысловой структуры* глагольных конструкций с *генитивным управлением* и на широком сравнительно-историческом фоне обосновывается положение о генетически *аблативной* основе R=V.

Описываются два уровня категории переходности / непереходности: *глубинный* (семантический) и *поверхностный* (синтаксический). Сравняются описания прототипического переходного события у разных авторов (Т.Гивона, Дж.Лакоффа, А.Вежбицкой).

Для решения проблемы генезиса приглагольного Р.п. критерии определения *синтаксической* переходности / непереходности приведены в соответствии с глубинной семантикой. В целях чистоты грамматических категорий необходимо вывести за пределы переходного типа все случаи, где «действие не выходит за пределы субъекта» (древняя *медальная* диатеза), поскольку такое представление действия исключает саму возможность его перехода. Предлагается абстрактная локалистическая модель переходного события $[o \rightarrow (\bullet) \rightarrow \bullet]$, позволяющая объяснить нюансы переходной семантики и разграничить *собственно переходность* и *псевдопереходность*. Историко-генетический анализ фактов древнейших и.-е. языков позволяет видеть в прямом объекте переходного действия метафорически переосмысленную семантику «вместилища» $\bullet$ – семантику локализации в объекте исходящей от субъекта энергии. Данное абстрактное представление сложилось на основе метафорического переноса с доступного прямому наблюдению явления – перемещения объектов в пространстве. Моделью переходного действия стало, видимо, целевое движение. Переходность / непереходность является *метафорой пространственных отношений* и связана с фундаментальными оппозициями *покой / движение* и *локализация / перемещение*. Показаны пути соотношения ситуаций перемещения тел в пространстве с ситуациями перемещения физической и психической энергии человека, сыгравшими важную роль в формировании *субъект-объектных* отношений.

Семантика **переходности** обусловлена способностью одушевленного существа к отчуждению психической и физической энергии (*энергия как отчуждаемая принадлежность субъекта*), вкладываемой в какое-либо действие («делать»), целью которого является изменение объекта – его места, положения, качества или количества. С этих позиций нетрудно понять, что сближает и.-е. Асс. при глаголах *движения* (лат. *Roma-m ire* ‘идти в Рим’) и при *переходных* глаголах (лат. *libru-m legere* ‘читать книгу’): и *место назначения*, и *прямой объект* являются целью. Глубинная семантика так называемых глаголов *движения* и *переходных* глаголов в общем сходна – отличие лишь в том, что перемещается: субъект в целом или только его энергия. Глубинная семантика Асс. – обозначение ‘МЕСТА’, куда перемещается – в первом случае (при глаголах *движения*) – человек или – во втором случае (при *переходных* глаголах) – его энергия.

Предельность и *переходность* выступают как два вида положительного определения *экзоцентричного* процесса, связанных с **пространственно-метонимическим** (достижимые конструкции) и – более поздним – **причинно-метафорическим** (зарождение *переходных* конструкций) способами мышления, что подтверждается и мифологическим материалом. Однако необходимо иметь в виду длительную устойчивость сосуществования *нескольких моделей* оформления объекта при переходном глаголе. Распространенность *генитивного управления* в древних и.-е. языках, в частности в древнеславянском, свидетельствует об ориентации в первую очередь на обозначение *предела* (Р.п.) или *направления* (Д.п.) *движения, цели* (В.п.), а не объекта воздействия (И=В): категория переходности тогда еще не была развита. Факты дают основание полагать, что в древнерусском языке (в меньшей степени и в современном рус-

ском) в зависимости от того или иного *представления* глагольного действия были возможны различные трактовки «ближайшего» объекта: объект как *преддел*; объект как *исходная точка* (перен. *причина*); объект как *конечная точка* (перен. *цель*); объект как *вместилище энергии*, исходящей от субъекта (*прямой объект*). В истории русского языка (и др. и.-е. языков) широко распространенное генитивное управление резко сокращается – в связи с развитием категории переходности кристаллизуется функция И=В как падежа объекта воздействия. Однако реликты употребления Р.п. предела остались, переосмысленные (ср. А.И.Соболевский о расширении Р.п.) в соответствии с категорией переходности / непереходности в Р.п. «неполного объективирования».

Анализ приглагольного функционирования Р.п. с логических, синтаксических, коммуникативных и глубинно-семантических позиций позволил выделить **инвариант смысловой структуры** глагольных конструкций с генитивным управлением. В центре внимания – диахроническая связь *семантических подклассов слов* и *синтаксических моделей*. Переходные и непереходные глаголы как грамматически значимые разряды глагольной лексики оказываются сопоставимыми с такими лексико-грамматическими разрядами, как *предельные / непредельные* глаголы, *существительные одушевленные и неодушевленные*, *конкретные и абстрактные*, *вещественные и собирательные*.

Genitivus negationis. Источник Р=В в отрицательных предложениях видел Э.Бернекер (Berneker 1904). Данные памятников письменности свидетельствуют не только о широкой распространенности данной конструкции, но и о ее глубокой древности. Р.п. при отрицании был представлен еще в общеславянском языке. Отрицание при сказуемом есть уменьшение или уничтожение действительности подлежащего. Отрицание, проникая «все заложное значение глагола действительного, разрушает его прежнюю связь с объектом <...> Действительный глагол с отрицанием не есть уже действительный» (Потебня 1958: 320).

Отрицание «перехода» энергии подлежащего

Значения определенности и неопределенности в форме Р.п. нейтрализованы. Приводятся доводы в пользу аблативного происхождения *Gen. negationis*.

Genitivus limitationis. Причина «несостоявшейся и не могущей состояться» переходности заключена в специфической семантике предельных глаголов: действие не может «перейти» на объект, поскольку оно прекращается (исчерпывается) с появлением последнего. Потому объект остается вне «охвата действием» и это грамматически кодируется славянским Р.п. предела (генетическим Abl.). Поэтому такие глаголы не следует рассматривать как переходные (ср.: Русский язык 1979). Неоправданным расширением перечня русских падежей представляется выделение «ждательного» падежа у А.А.Зализняка, где одушевленные существительные принимают форму В.п., а неодушевленные – форму Р.п.: *ждать подругу – ждать своей очереди* (Зализняк 1967). Дистрибуция форм при глаголах данного типа зависит от категории одушевленности –

выражение соответствующей семантики у сущ. 1 скл. лексикализировано.

Обнаружение искомого объекта как предел действия или состояния

Р.п. (единственно допустимый при супине) семантически вторит *целевому*, всего лишь *потенциальному* характеру действия, т.е. здесь полная синтаксическая обусловленность Р.п.

Genitivus partitivus. Б.Дельбрюк, А.И.Соболевский, в некоторой степени и А.Мейе видели источник Р=В в конструкциях с *Gen. partitivus*. Однако это был, как показывают факты, промежуточный этап, когда два способа представления действия – более древний (*предельный*) и более новый (*переходный*) – существовали: по аналогии с обозначением предмета, «полностью охваченного действием» (И=В), генетически предельная семантика Р=Отл. стала связываться с «неполным охватом» предмета действием.

С этих позиций находит объяснение известный факт вариативности в современном русском языке падежей только при глаголе сов.в.: *пить воду* – Р.п. невозможен, употребляется только В.п., т.к. действие представлено безотносительно к его пределам (несов.в.); *испить, отпить, допить, перепить, выпить воды / воду* – вариативность при глаголах сов.в., включающих семантику предела, порождена возможностью *двоякого* представления действия: в отношении к его пределу (с Р.п.) и в отношении к направленности (переходности) действия на объект (с В.п.). Показательно, что в конструкциях типа *напился воды* возможен только Р.п. объекта, т.к. переходное (препятствует -ся) и неопредельное (препятствует сов.в.) истолкование глагола в подобных случаях исключено. *Напился воды* ('утолив жажду, больше не пью воду').

Приводятся типологические параллели из других языков (осетинского, финского).

Genitivus animationis. «Столкновение» семантики одушевленности (активности) существительного и страдательной функции прямого дополнения (эту синтаксическую позицию создает значение лексически переходного глагола) приводит к *семантико-синтаксическому конфликту*. Причем это явление, как свидетельствуют статистические подсчеты (Томсон 1908б), довольно позднее. Образно говоря, одушевленность существительного мешает действию перейти на предмет из-за потенциальной активности последнего: семантическая одушевленность существительного *препятствует синтаксической переходности*, и показателем этого препятствия служит форма Р.п. (=Отл.) как *падежа предела*.

Преграда «переходу» энергии со стороны одушевленности (активности) объекта

Весь рассмотренный ансамбль фактов позволяет заключить, что, строго говоря, «генитивной переходности» не существует, корректнее говорить о «генитивном управлении».

В основе построения рассмотренных глагольных конструкций с Р.п. (в том числе и Р=В) лежит почти не осознаваемая *анафора*, или *исходная известная* пропозиция. А.И.Томсон, чуткий к семасиологической стороне языка, интуитивно уловил этот момент в употреблении Р=В: «Рат. был заранее так возбужден в представлениях слушателя, что он стремился занять место подлежащего» и сравнил его с побудительной причиной образования страдательного спряжения (Томсон 1908б: 248), т.е. когда объект становился *исходным пунктом высказывания* («старой информацией», по У.Л.Чейфу, или темой, которая часто бывает анафорической): *егда кто слѣпыца многовѣдѣща наречеть* (Изб. Св. 1073 г., 293): *Цесаря безаконнѣуща обличитъ есть* (Стихир. XII в.). Грамматическое оформление *исходной* (предшествующей во времени), *известной* (из энциклопедического, культурного или бытового контекстов) пропозиции как *причины* (точнее, *основания*) возникновения и *внутреннего компонента* описываемой актуальной ситуации именно генитивом проливает свет на *генезис* этой падежной формы.

Факты побуждают присоединиться к мнению большинства ученых (Б.Дельбрюк, А.И.Томсон, Е.Кленин, В.Б.Крысько, А.Тимберлейк и др.), что по происхождению Р=В это действительно Р.п. Однако в славянских языках Р.п. в именах *-о склонения и по форме, и по функции есть и.-е. аблатив. Выявляются предпосылки для смешения *Gen.* и *Abl.* – *общность* в их значении. Оба падежа выражают **отношение ЦЕЛОГО и ЧАСТИ**, однако по-разному: *Abl.* выражает это отношение как **эксклюзивное, активное**, в динамике, во времени, что возможно только *при посредстве* (хотя бы эллиптическом) *глагола*, а *Gen.* выражает это же отношение, но как **инклюзивное, пассивное**, в отвлечении от динамики и фактора времени, т.е. просто констатирует сам факт *соотнесенности* двух понятий без грамматического уточнения характера этой связи.

Исходная функция и.-е. грамматического (синтаксического) падежа *Gen.*, в котором ощущается метафорически переосмысленная *локативная* семантика, – обозначать «**вместилище**» чего-либо (●): процесса (по отношению к субъекту или объекту), вида (по отношению к роду), части (по отношению к целому) и под., т.е. оформлять посессивные отношения как *неотчужденную принадлежность* чего-то чему-то.

Исходная функция и.-е. конкретного (семантического) падежа *Abl.* – обозначать то «место», откуда что-то «ушло», т.е. нечто **внешнее** по отношению к чему-либо (○): субъект или объект (по отношению к процессу), целое по отношению к отделившейся части), т.е. оформлять посессивные отношения как *отчужденную принадлежность*.

Вслед за большинством ученых (Бругман, Гольцвейсиг, Кун, Вогринц, Мюллер, Нетушил, Шмальц, Вундт, Курилович, Бенвенист, Шеворошкин) автор склоняется к *приоритету приименного Р.п.*

Пресобладание в древности приглагольного употребления в ущерб приименному служит еще одним подтверждением, что на славянской почве Р.п. выступал прежде всего в *отложительной функции*. Поскольку из-за утраты исконной и.-е. формы Р.п. основ *тематического* типа на *-о (-е) получилось бы сочетание с аблативом, обозначающее удаление от предмета, т.е. *отчужденную принадлежность*, система ограничила употребление приименного Р.п. Это могло стать толчком к образованию притяжательных прилагательных, посредством форманта -j- (ср. новый лат. Gen. на -i) для обозначения *принадлежности* действия субъекту. Тогда семантико-синтаксический комплекс «притяжательное прилагательное + имя» является: 1) **транспозицией непереходной (медиальной) глагольной синтагмы** в именную: Богъ *судитъ* = *судъ* Божий; Ярославъ *судитъ* = *Будъ* Ярославъ. Кстати, *nomina actionis* образуются только от непереходных (медиальных) глаголов: Я *хожу* – *мое хождение*. Маша *поет* – *Машино пение*; 2) **транспозицией квазиактивной (посессивной) глагольной синтагмы**: я *имею книгу* – *моя книга*; Маша *имеет книгу* – *Машина книга*. Только по мере формирования новой и.-е. диатезы – *категории переходности* – стало распространяться приименное употребление Р.п. (=Отл.) как **трансформы субъекта переходной глагольной синтагмы**: *Георгиев написал статью* = *статья Георгиева* (с эллипсисом глагола), т.е. статья, [написанная] Георгиевым, которую [написал] Георгиев (*Георгиев* + перех. глагол). Ср. конструкцию с аблативным предлогом *отъ* в болг.: статья *отъ Минковъ*. Таким образом, приименный Р.п. (=Отл.) и притяжательное прилагательное при имени существительном (ср. англ. *possessive case*) являются результатами транспозиции различных по диатезе глагольных синтагм в именные.

Падежное заполнение позиции прямого дополнения в русском языке на *поверхностном уровне* выражает категорию переходности, а на *глубинном уровне* – диатезу. Замещение падежной формы (Р.п. вместо В.п.) в одном и том же синтаксическом окружении (синтаксической позиции) сигнализирует о сдвиге в диатезе.

ЧАСТЬ II «ОДУШЕВЛЕННОСТЬ ~ НЕОДУШЕВЛЕННОСТЬ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ: ВАРИАТИВНОСТЬ ФОРМ Р=В И И=В В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА» посвящена выявлению механизма варьирования падежных форм в позиции прямого (по аналогии – и косвенного) дополнения в разновременных текстах. Языковые факты анализируются с позиций *широкой концепции семантики и структурно-семантического синтаксиса*. Попутно вскрываются и *методологические ошибки*, встречающиеся во многих, особенно современных исследованиях при решении данной проблемы *статистическими методами*.

В первой главе «Вариативность форм Р=В и И=В в обозначениях лиц в языке донационального периода» исследуются *причины и условия* архаического варьирования падежных форм лично-одушевленного объекта. Подчеркивается необходимость учета влияния *совокупности факторов и содержательной специфики жанра и стиля* (что обычно упускают из виду). С этой целью используются *разноаспектные подходы* к анализу вариативности Р=В и И=В:

структурно-семантический, жанрово-стилистический, контекстуальный, лингвокультурологический, ментальный.

После вывода первого раздела о том, что антропонимы, начиная с древнейших славянских текстов, регулярно употребляются в форме $R=B$, как индивидные однореферентные наименования, выполняющие идентифицирующе-дифференцирующую, выделительную и дейктическую функции: *ровоамъ же родн авіада* (Ев. от Матф. 1, 7 Ас.), *штѣврѣзе съ землѣ и пожрѣтъ датана* (Псалт. 105, 17 Син.), рассматривается вариативность в именах нарицательных.

Данные *показательных* памятников письменности как наиболее типичных представителей своего стиля и жанра, представленные *крупным планом*, анализируются на фоне многочисленных синхронных примеров из текстов той же стилистической отнесенности и того же происхождения: летописей, сказаний, «хождений», «слов», «поучений», житий, повестей, духовных и договорных грамот, сборников законов, актов письменности различных регионов и др. При возможности равнозначного выбора мы выбирали памятники, материал которых или еще не был введен в научный оборот или же был недостаточно изучен в отношении категории одушевленности.

На материале «Русской Правды» (в таблицах обобщены результаты качественно-количественного анализа вариативности $R=B$ и $I=B$, дано достаточное контекстуальное окружение для каждой лексемы с колебаниями) и др. деловых текстов установлены пределы применения *социологической концепции*: как прямое проецирование, так и полное игнорирование внеязыковой ситуации ведут к искажению картины вариативности. Так, юридически несвободное лицо именно *в ситуации*, относящейся к области права, представлялось лишенным семантических свойств *Ag.* и имеющим семантические свойства *Pat.* Однако семантическая (обязательно двусторонняя) модель «*слуга и хозяин*» отсутствует в таких ситуациях, как, например, драка равноправных по отношению друг к другу холопов, смердов и под. Ср. $R=B$: *Оже смердъ моучить смьрда безъ княжа слова* (РП, л.624 об., с.54) и соответствующий измененному контексту $I=B$ в др. списке: *Или смердъ умучать а без княжа слова* (РП, ст.33, с.198). Денотат одного и того же существительного может – в зависимости от ситуации – выступать как *активный* (т.е. участвующий во взаимодействии) или *пассивный* (т.е. не участвующий во взаимодействии). Причем его положение относительно события постоянно меняется и определяется сиюминутной расстановкой «сил». Слово вступает в *синтаксическую связь* с другими словами как *семантическая единица*. Семантика потенцирует, но не регламентирует ту или иную роль слова в предложении, которая определяется совокупностью самых разных факторов. Так, $I=B$ в предложно-падежной конструкции *за моужь* изначально был обусловлен контекстной семантикой: речь в таких случаях шла не о конкретном мужчине, а о переходе девицы в новое состояние – стать с мужем *одним целым*. Типичность ситуации, закреплённой в том числе и *юридически*, привела к формированию *речевого штампа* с последующей фразеологизацией, а затем и к образованию наречия *замоужь*. Для обозначения собственно объекта безотносительно к посессивным отношениям обычен $R=B$ *моужа*.

Роль лица в описываемом событии определяется совокупностью внеязыковых факторов (характером ситуации, расстановкой «сил», статусом лица и под.) – отсюда говорящий извлекает семантические свойства объекта как актанта того или иного типа. Если актант с заданными *ситуацией* (в широком смысле) семантическими свойствами попадает в поле действия *синтаксической связи* и эти свойства оказываются значимыми для *синтаксических отношений* (в частности, таковы выделяемые лингвистикой ЛПР имен и глубинные агенсно- пациенсные интерпретации одушевленных имен) – осуществляется *наложение* семантических свойств предиката на семантические свойства актанта, обуславливающее соответствующее оформление семантико-синтаксической конструкции в целом.

Взаимодействие двух равноправных партиципантов происходит в ситуациях присвоения (*дает-берет*), торговой сделки (*продает-покупает*), общения (*говорит-слушает*), тяжбы (*истец-ответчик*), а 3 л., как *предмет их взаимодействия* (характер самого взаимодействия не столь важен), является в данной ситуации недействующим лицом, «не-лицом», «отсутствующим» в смысле его волевой «невключенности» в событие и часто мыслится как «находящееся в заданном отношении (как *неотчужденная или неотчуждаемая принадлежность*) к одному из активных участников взаимодействия». Такие «не-лица» выступают в роли пассивных объектов, по поводу которых осуществляется *незаконченное* взаимодействие 2 лиц, выражаемое эксплицитной или имплицитной языковой моделью, «кто – кому» (при прямой перспективе): *привести кмоу видокъ* (РП, л. 617 об., с. 33) или «кто – от кого» (при обратной перспективе): *поати оу него штрокъ* (РП, л. 627, с. 60). Точка зрения 3 л. («отсутствующего») не была представлена в *праиндоевропейской коммуникативной схеме*. Изучение фактов с этой точки зрения показало, что *книжно-славянский язык* «Остромирова евангелия» и *деловой русский язык* «Русской Правды», несмотря на стилистические и содержательные различия, представляют один и тот же этап синтаксического оформления *субъект-объектных отношений*, обнаруживая зависимость форм Р=В / И=В от активности (участия / неучастия) лиц в описываемых событиях. Ср.: *Понди и призови мѹжъ твои* (контекст из Евангелий).

Высокая информативность реликтовых падежных форм в *Московском летописном своде конца XV в.* осталась не замеченной исследователями. Изучение *условий*, в которых пережиточные формы отличаются наибольшей устойчивостью, проливает свет и на сущность былой вариативности. Материал летописей показывает, что специфика маркирования личного объекта связана с философским и психологическим понятием *идентификации личности*, т.е. с определением ее *границ*, в результате которого в человеке на первый план выносятся или социальное, или индивидуальное. Летописные контексты доносят до нас *особенности коллективистского мышления*, когда человек осознается не как самостоятельная личность, а как часть того или иного целого, представителем которого он является (род-племя, семья, княжество, государство, церковь): 1168: Берендичи же ѹбиша *Володимеръ мѹжъ*, ѹбиша же и ти *лѹцшѹхъ от Берендич* (Моск. лет., 76). Для летописца весьма важным является тот факт,

что *Святослав* – *чей-то* сын, *чей-то* брат, *чей-то* муж, *чей-то* князь: 1160: *Новгородци въсташа на князь свои на Святослава Ростиславича* (Моск. лет., 68).

Хотя проблема характера княжеской власти в Древней Руси дискуссионна, однако даже разноречивые толкования историков лишают оснований один из аргументов В.Б.Крысько против *социологической концепции*. Важный статистический вывод исследователя о том, что такое, например, постоянно используемое слово, как *князь*, представлено в древнерусских источниках отнюдь не единичными формами И=В, тогда как у слова *равѣ* формы И=В крайне редки (Крысько 1994: 32–33), не только не противоречит семантической концепции (в широком смысле), но подтверждает мотивированность выбора падежа. Русский князь являлся *представителем* или правящей знати, или веча и общины, население определяло общественное положение князя и степень его свободы (как было, видимо, на *новгородском* севере), горожане стремились сажать к себе на стол только угодных им князей, часто вмешивались в междукняжеские отношения. Для славян характерна, как пишет В.В.Колесов, *синкретичность* представлений о власти: *власть принадлежит роду, а не личности*. Поэтому в контекстах, отражающих намерение группы людей выбрать для себя правителя, уместна форма И=В: 1102: *въскормилн ксмы собѣ князь* (Лавр. лет., 276). Если же речь идет о князе как о самостоятельно активной личности, используется форма Р=В: 946: *вѣдѣху бо тако сами оубили княза* (там же, 58).

Под таким углом зрения открываются и причины фразеологизации выражений типа *посѣлати* *посѣлѣ* в древнерусском языке, которые в результате частого употребления становятся *речевыми штампами*, о чем свидетельствует их наличие в памятниках письменности даже более позднего периода. *Посѣлѣ* – ‘исполняющий поручение’ (Срезневский, II 2003 (1902): 1278), т.е. *в любом случае* исполнитель *чужой* воли. В случае же выражения дополнения другой лексемой возможно *ситуативное предпочтение* падежной формы, смотря по наличию / отсутствию собственной активности у объекта. Ср.: 1160: *по томъ же послаша князя в Ладогу* (Моск. лет., 69) и 1168: *тичнѣ свои посла* (там же, 75). Если в центре внимания летописца находятся действия русских князей, то представление о них прежде всего возбуждается в сознании читателя, тогда как «проводники» их активности сами по себе пассивны. Таким образом, потенцировать семантику *активности* / *пассивности* могут как лексическое значение *объекта*, так и лексическое значение *предикативного признака*.

Конструкция «приложение + имя собственное», которой изобилуют все летописи, представляет своего рода *речевой штамп*. Сохранение И=В в таких конструкциях обычно объясняют формальными причинами – употребление объекта в качестве *приложения* к другому существительному, имеющему форму Р=В, не мешает адекватно воспринимать смысл высказывания. Однако представляется необходимым специально обратить внимание на семантику слов, употребляемых чаще всего в функции приложения – это, как правило, *названия родства*. Конструкция, по мысли автора, отражает принятую в обществе

характеристику лица с двух сторон. С одной стороны, приложение (имя нариц.) определяет человека не самого по себе, а по принадлежности к тому или иному узкому кругу (сын чей-то, князь чей-то и под.), поэтому и оформляется, как правило, И=В, выражающим принадлежность, обусловленную неразрывной связью субъекта и объекта как частей некоего спаянного целого. С другой – имя собств. уже называет человека *самого по себе*, свидетельствует о выделении индивидуальности из безликого коллектива, поэтому и оформляется, как правило, Р=В, выражающим отчужденную принадлежность: 1163: Того же лѣта приведе Ростислава Белгуконю, князя Половецкаго дщерь, ис Половецъ за сына свон за Рюрика (Моск. лет., 72). Более редкое обратное оформление может свидетельствовать об изменении фокуса внимания (если это не ошибка писца) и перенесении функции приложения на другую лексему. Со временем речевые штампы разрушаются. Внимание к содержанию *речевых штампов* помогает вскрыть устойчивые семантические основания выбора падежных форм. Несомненно, частая повторяемость того или иного выражения вызвана *типичностью ситуации и социальной закреплённостью* того или иного сценария *поведения*.

В свете изложенного становится понятным, почему в течение уже почти ста лет периодически «всплывает» утверждение о том, что сохранению формы И=В способствует сочетание сущ. с местоимением *свон*. В.Б.Крысько, говоря о «надуманности “особых условий”, якобы способствовавших выбору той или иной формы» (Крысько 1994: 14), приводит статистические данные, будто бы подтверждающие индифферентность падежной формы к наличию возвратно-притяжательного местоимения, опровергая тем самым мнение большинства исследователей категории одушевленности (ср.: Истрина 1923; Томсон 1908; Боровский 1949). Однако построение выводов на основе количественного соотношения И=В и Р=В приводит к *методологической ошибке*: естественное преобладание в текстах Р=В свидетельствует лишь о том, что новая модель, какое-то время сосуществующая со старой, постепенно вытесняет ее – древнерусские памятники письменности отражают изменение *восприятия личности* во времени. Более информативен иной подход к анализу *статистических данных* – изучение условий сохранения реликтовых форм И=В в разножанровых текстах. Сравнение количества форм И=В с местоимением *свон* с общим количеством всех реликтовых форм И=В в одном и том же памятнике письменности показывает, что все реликты, как правило, обусловлены архаической моделью *посесивных отношений*. Так, в *Моск. лет.* имеют в качестве определения местоимение *свон* 21 из 46 засвидетельствованных форм И=В. Причем остальные реликты соотносятся с *притяж.* мест. *мон* (3); с *притяж.* прилаг. (2); с обозначениями «проводников» чужой воли *посол* (6), *гонец* (1) и *зависимых лиц за холопъ* (1), *за должникъ* (1); с названиями еще зависимых от родителей маленьких детей *дѣтищъ* (1), *младенецъ* (1), с речевым штампом *послати по сынь* (7); с выражением *а нынѣ будем вси за один мужъ* (1); с ФЕ «... на богъ» (3) со значением ‘опираться на бога, как на что-то твердое’ (приводится семантическое обоснование) и «... за царевичъ» (1) со значением ‘замуж’.

Так как в любых текстах (особенно это касается *переходных* эпох) старые явления сосуществуют какое-то время с новыми явлениями благодаря установлению семантической дифференциации, нет оснований связывать выбор падежной формы только с наличием местоимения *свои*, как это делают многие исследователи, или же полностью отрицать такую связь.

Показана необходимость обращать внимание не столько на формальную сторону конструкций, сколько на содержательную. Притяж. мест. в поздних текстах обычно влияет не само по себе (оно может участвовать в формировании самой разной семантики), а лишь как часть соответствующей *семантики конструкции* – именно в этом кроется причина существования прямо противоположных взглядов на роль притяжательного местоимения – как сдерживающего фактора (Томсон 19086) и как фактора, способствующего выбору $P=B$ (Klenin 1983). Пассивную роль объекту потенцирует такая семантика конструкции с мест. *свои*, которая указывает на *несамостоятельность, подчиненное положение* объекта, к тому же нередко выступающего в качестве *исполнителя воли S*, акцентирует внимание на *принадлежности* как *тесной связи* объекта с субъектом действия.

Выявлены *семантико-синтаксические* различия конструкций с варьирующимися падежными формами одушевленного объекта, управляемыми лексически переходным глаголом:

1) Форма $I=B$: Ярославъ послалъ сынъ *свои* [Ярослав послал *от себя, по своему почину* выполнять свою волю] – тесная связь с объектом, *полностью прогнозируемое* поведение объекта, *исполнение им чужой воли* – воли субъекта, т. е. объект не отделен от субъекта (*предсказуемость* поведения), находится в «сфере его влияния» (можно провести аналогию с *неотчужденной принадлежностью*), как бы слит с ним (в этом можно видеть семантическое основание нейтрализации противопоставления *Ass. : Nom.*), является безропотным «проводником» активности субъекта, *несамостоятелен* в своих действиях (*пассивен*). Другими словами, *переходная* конструкция с формой $I=B$ применима к ситуации, когда собственная активность объекта исключена.

2) $P=B$: Ярославъ послалъ сына *своего* [Ярослав послал сына – *не от себя, а от него (сына)*, потому что, например, сын просил, выражал готовность (ср. у А. И. Томсона: *Pat.* был заранее возбужден в представлении как психологическое подлежащее, как *Ag.*) – действовать по своему усмотрению, т. е. *дал свободу действий*] – свободная связь с объектом, *непрогнозируемое* поведение объекта, проявление им собственной воли, т. е. объект отделен от субъекта (*непредсказуемость* поведения), он уже вышел из «сферы влияния» субъекта (можно провести аналогию с *отчужденной принадлежностью*), самостоятелен в своих действиях (*активен*), не подчинен чужой воле. Другими словами, *псевдопереходная* конструкция с $P=B$ отражает ситуацию с возможностью проявления объектом собственной активности.

Субъект-объектные отношения в конструкциях с рефлексивом *свои* постепенно, по мере вытеснения коллективистского мировоззрения, изменялись. Об этом свидетельствует сравнение contemporaneous летописных текстов одно-

го содержания и многочисленные примеры с формой Р=В при местоимении *свои*, уже превосходящие по численности формы И=В.

Не случайно исследователи уже давно обратили внимание на особое поведение существительных – **названий родства**. Говоря о грамматических фактах, связанных с «неотчуждаемой принадлежностью», Ч.Филлмор, выделяет существительные, выражающие такие понятия, которые в основе своей являются отношениями. Сюда относятся, в частности, термины родства (Филлмор 1981 [Fillmore 1968]). Ведь именно близкие родственники часто выступали как *продолжители линии поведения* старшего поколения, «проводники» его активности. В *Моск. лет.* около половины реликтов И=В (19) – от лексемы **сынъ**, особенно в предложно-падежных сочетаниях *за сынъ свои* и в речевом штампе *послаша по сынъ*. Многочисленные случаи сохранения формы И=В в кругу обозначений родства объясняется наличием семы ‘принадлежность кому-то, чья-то собственность, родственная связь с кем-то’, что способствует их функционированию в качестве *Pat.* В модели *послать сына (своего)* форма Р=В объекта может свидетельствовать о том, что: 1) сын – инициатор действия субъекта (он просил, чтобы его послали, выказывал готовность к действию) или же княжеская воля по каким-либо причинам ослаблена (вынужденность); 2) дальнейшее поведение объекта – сына – будет определяться не волей субъекта, а собственной волей сына, т. е. объект не будет исполнителем чужой воли, а станет принимать решения, действовать *sua sponte*. Содержательный анализ контекстов *Лавр. лет.* подтверждает это.

Нередко встречаемые в древнерусских памятниках письменности выражения типа **вѣрю в единъ богъ** с формой И=В (что сближает слово **богъ** с такими словами, как **рабъ**, **отрокъ**, и с некоторыми названиями животных) объясняются включением сверхсубъекта в личную сферу человека, куда входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально, интеллектуально и т. п., в том числе и боги, поскольку он пользуется их покровительством (Апресян 1995). Понятие посессивности *антропоцентрично* по своей сути, поскольку в его основе лежит представление о лице, связанном различного рода отношениями с предметами, явлениями и событиями, в совокупности образующими личную сферу человека, границы которой под влиянием различных факторов могут сдвигаться.

В исследованных нами памятниках письменности различных стилей и жанров варьирование Р=В и И=В наблюдается, как правило, в кругу лексем обладающих специфическим *семантическим потенциалом*, способным реализовываться не во всяком типе *контекста*, поэтому вывод В.Б.Крысько о том, что «трудно указать такое существительное (вплоть до обозначений “сверхлица”), которое не отражало бы в древнерусских памятниках чередования обеих возможных форм аккузатива» (Крысько 1994: 32), мы считаем несколько преувеличенным.

Древнерусские источники демонстрируют архаическую вариативность падежного «заполнения» позиции прямого дополнения у личных существительных *masculina singularia*. Выбор падежной формы обуславливался *харак-*

тером субъект-объектных отношений, определяемых ситуативной семантикой. Признак одушевленности как самостоятельной активности не проявляется у лексически одушевленных имен в контекстах, преломляющих архаические модели *посессивных отношений* – «слуга-хозяин» и «один из своих», о чем в речи могут свидетельствовать притяжательные маркеры, обозначения людей, связанных по разным причинам чужой волей (маленьких детей, холопов, посланников, посадников, гонцов, отроков и под.), а также обозначения «узкой группы своих» (родственников, свойственников, единоверцев и под.). Выбор падежной формы на *поверхностном уровне* отражает *глубинную семантику* посессивных отношений – *отчуждаемой* или *неотчуждаемой* принадлежности. Причем сфера неотчуждаемой принадлежности постепенно суживается в связи с изменениями в укладе жизни славян. Старые модели, порожденные архаическим мировоззрением и изжившими себя общественными отношениями, постепенно разрушаются – и вместе с ними постепенно исчезает обусловленная ими всегда довольно редкая форма И=В.

Сохранением реликтовых форм И=В ед.ч., в отличие даже от более ранних переводных текстов, замечателен этот список XV в. *христианской топографии* – «**Книга нарицаема Козьма Индикоплов**». Наблюдается вариативность Р=В и И=В в ед. ч. таких личных имен м.р., как **бѣ** (48:1); **снѣ** (19 : 4), **кнзѣ** (4:1), **моужѣ** (6:1), **штрокѣ** (1:1) и др. Возможно, лексемы **бѣ**, **кнзѣ**, **моужѣ** сохранили архаическую форму И=В в качестве маркера переосмысления значения существительных (от конкретного к абстрактному) в предложно-падежной конструкции. Притом в контексте – **оувѣдѣніе сѣа вѣиа, вѣ моужѣ ствѣршенѣ** – имеет место семантика «переход в новое состояние» (ср. совр. *пойти в солдаты*). Сохранение лексемой **штрокѣ** архаической формы И=В может быть мотивировано не только переосмыслением в предложно-падежной конструкции, но и семантической однозначностью падежной функции, подсказанной Р=В личного имени собственного. Здесь семантика сопряженности бога и сына и выражение неотчуждаемой принадлежности. Лексема **снѣ** представлена наибольшим количеством старых форм аккузатива. Просматриваются два контекстуальных значения, потенцирующие сохранение И=В: 1) «то, что получилось в результате зачатия и родов женщины»; 2) «то, что приносится в жертву». Оба отмеченных значения детализируют семантику *пассивного* объекта, с которым что-то делается другими людьми.

Исправляя ошибки предшественников, автор показывает, что уже в самых ранних памятниках письменности с ярко выраженными собственно *русскими* чертами – сборниках *нравственно-религиозного* содержания конца XI в. «**Изборнике 1076 г.**» и «**Синайском патерике**» – в сфере сингулярных наименований лиц практически отсутствует архаическая вариативность падежей: Р=В оформляется любое единичное и конкретное лично-одушевленное имя – обозначение взрослого мужчины: **Имаши мытарѣ** и **влоудѣнааго сѣа** и **влоудѣниѣ** и **развоинника** (Изб. 1076, 552). **Бѣ же видѣти старѣца ... вьсь днь тружѣюща ся** (Патерик Син., 62. XI–XII вв.). Содержание таких текстов не трагирует те факты действительности, которые связаны с отношениями *купи-*

продажи, с юридической стороны отношений «слуга–хозяин». Вместе с тем архаичному *коллективистскому* мировоззрению христианство противопоставляет *индивидуализм*.

Развитие категории одушевленности опирается на фундаментальный принцип построения *субъект-объектных отношений*. Важную роль здесь играет ответ на не простой (как это может показаться на первый взгляд) вопрос: кто же все-таки действует, т. е. *где находится источник активности*. Рассматриваются *психологические критерии*, позволяющие отличить объект от субъекта действия: граница между субъектом и объектом совпадает с границей автономности / предсказуемости действия. Краеугольным камнем в построении и формальном выражении субъект-объектных отношений при лексически одушевленном объекте (что уже является отклонением от «прототипического сценария» переходности) выступает понятие *свободной воли*, в отношении которого наметились расхождения между *антропологией* Восточного и Западного христианства. Р=В маркирует *снижение степени* синтаксической переходности, обусловленное ослаблением связи действия с объектом. Полное вытеснение И=В формой Р=В совпадает по времени (XIII–XIV вв.) с укреплением христианского представления о свободе человека – лично-одушевленный объект начинает восприниматься как *онтологически активный*.

Предпосылками возникновения *поверхностного кодирования* одушевленных имен в переходной конструкции в русском языке следует считать *актуализацию м.р.* и связанные с этим преобразования в древнеславянской падежной системе, формирование *категории лица* и *раздельной множественности*.

Далее исследуется вариативность во мн.ч. Показательна неединичность весьма ранних (XII вв.) форм Р=В мн.ч. в *Московском летописном своде конца XV века*. Причем такую же картину дают материалы с XII в., собранные другими учеными (Dietze 1973; Крысько 1994), и диалектные данные (Маркова 1989).

Изучение условий функционирования столь ранних форм Р=В мн.ч. привело к выводу о том, что в подробных и детальном описаниях конкретных событий, особенно динамичных и, по всей видимости, важных – битв, сражений, имевших место, Р=В довольно частотен, однако он засвидетельствован исключительно в сочетании с глаголами сов. в., преимущественно приставочными. В описании конкретной битвы названия народов в Р=В, а при констатации факта битвы имеет место И=В. Резко выделяется круг глаголов, управляющих Р.п. (или Р=В) падежом: *изъбити, изъгонити, изънимати, нсѣсечи, отпогонити, отпѣстити* (в том же значении, видимо, *пѣстити, гонити, лишити* и под.). Обращает на себя внимание то, что это глаголы преимущественно с приставками *аблативного* происхождения *изъ-* (№ 16) и *отъ-* (№ 5). Семантику глаголов в данных конструкциях можно охарактеризовать как ‘*доведение действия до его конца, до его полной исчерпанности*’, тогда в качестве управляемого глаголом падежа выступает Р.п. (Отл.п.) *предела*, свидетельствующий о *количественной* интерпретации действия. Таким образом, реально наблюдаемые действия конкретизируются с точки зрения их протекания во времени. Это и помогает лето-

писцу выразить динамику событий: быстрые перемещения, резкие и доводимые до конца воздействия на одушевленный объект (семантика приставки *изъ-*).

Закономерности варьирования форм В. п. и Р=В в обозначениях множества лиц обусловлены *активностью* / *пассивностью* референтов и *конкретностью* / *абстрактностью* содержания высказывания, коррелирующей с пространственно-временной *локализованностью* ситуации. Семантика *активности*, обычно реализуется в предложениях, содержание которых конкретизировано в *хронологическом плане*, например: 1352: И пришед князь велики Андрѣи Александровичъ городъ взя, а намѣстники и Нѣмци поби. <...> И по томъ пришед Новгородци городъ свои взяли, а моуъ намѣстниковъ и Нѣмьцъ побили, которые были в городѣ (Моск. лет., 178–179). Если в первом предложении объекты представлены *абстрактно*, они не локализованы, то во втором – это уже *конкретные* объекты, *определенные* в отношении их места нахождения. В следующем контексте разрушение формулы достигается упоминанием *обстоятельств места*: указание *откуда* подчеркивает перемещение к субъекту объектов *из разных мест*, что по смыслу соответствует *расчлененному множеству*, тогда как формулы с В. п. передают идею *собирательности*, *абстрактности* – тут приводится перечень статусов: 1211: Князь же велики Всеволодъ созва вѣсѣхъ бояръ своихъ с городовъ и съ волостен, епископа Иоанна, и игумены, и попы, и купцѣ, и дворяны и вси люди (Моск. лет., 108).

Конкретный смысл лексемы, обозначающей уже *расчлененное* множество (перечень имен!) – способствует Р=В: 1147: Гозва бо Изяславъ Русскихъ епископовъ, Черниговъского Онофрия, Бѣлогородского Феодора, Переяславъского Вѣфимия, Юрьевъского Демьяна, Володимерьского Феодора, Новгородского Нифонта, Смоленского Манѹила. Рече же Черниговъскы епископъ Онофрии: «..» (Моск. лет., л. 46 об.). Перемена стиля – с *делового* описания конкретных событий на абстрактные *церковные* сентенции – влечет за собой перемену в представлении объектов: 1319: и посла к нему князь Дмитрии Миханловичъ брата своего князя Александра и бояръ своихъ <...> Они же послалша на Москву бояръ своихъ <...> Тако бо удиви боги святыя свои угодины пострадавши за него (Моск. лет., 166).

Слово *люди* многозначно. В зависимости от смысла лексема тяготеет к тому или иному падежному оформлению. Родовое понятие (люди вообще /в отличие от скота/ или зависимый слой вообще) обычно оформляется В.п.: учаше люди некрещеныя (Моск. лет., 226), а в динамичных описаниях очевидца (?) названия конкретных людей (пусть и зависимых) или исполняющих конкретные обязанности (*лучшие люди* в общественной иерархии, как и *дети боярские*) – Р.п.: остаточныхъ людей избивша (Моск. лет., 166).

Сочетание *женъ* и *дѣтен*, обозначая не мужнюю собственность, а лиц женского пола и юного возраста, оформляется Р=В: 1386: а людемъ многихъ и женъ и дѣтенъ в полонъ поведоша (Моск. лет., 213). В значении же мужней собственности остается В.п.: 1377: много людемъ посекоша, а жены ихъ и дѣти в полонъ поведоша (Моск. лет., 193).

Продолжается разрушение *речевых штампов*: традиционные словесные формулы заменяются описанием конкретных действий, обычными становятся *перечни имен* послов, бояр, воевод и других лиц: 1492: князь великий Иван Васильевич <...> послал своих послов, Юрья Гръка Тарханнота да Мнѣхана Кляпика Яропкына да Ивана Волка Күрицына, к королю Римъскому Максимияну (Моск. лет., 333).

Вариативность форм Р=В и В. п. мн. ч. в летописных контекстах, фиксирующих *книжно-литературную* норму, свидетельствует о том, что выбор управляемой переходным глаголом падежной формы в обозначениях множества лиц, как правило, семантически мотивирован. Форма Р=В употребляется для обозначения *расчлененного множества* проявляющих *самостоятельную активность* важных, известных, приближенных, наблюдаемых лиц (актуализация *денотативного* компонента в значении) в предложениях *конкретного содержания* (пространственно-временная локализованность). Форма В. п. употребляется обычно для обозначения *собирательного множества* неважных, неизвестных, отдаленных, плохо различимых лиц (актуализация *сигнификативного* компонента в значении) в предложениях *абстрактного содержания*.

Нерегулярность Р=В в обозначениях лиц в *книжно-литературных* текстах среднерусского периода объясняется, следовательно, их преимущественно *абстрактным содержанием*, в отличие от господства Р=В в *деловых* текстах, несущих, как правило, *конкретную информацию и определенную референцию*.

С конца XIV в. сущ. м.р., обозначающие лиц, в *деловой письменности* фиксируются в форме Р=В мн.ч. С появления *Судебника 1497 г.* начинается новый порядок в истории законодательства – теперь отвечает *каждый за себя*. Прежние речевые штампы разрушаются. В *Судебниках 1497 г. и 1550 г.* наличествуют только формы Р=В мн. ч. от названий лиц м. р. (сущ. ж. р. не засвидетельствованы) самой различной семантики (*розбойников, татей, городских людей, волостелиных людей, боярских детей, на бояр, на околничих, на казначеев, на дьяков, на волных людей, своих людей, ездовых, заговорщиков, исцов* и др.) в различных условиях: *А кто пошлет пристава ... по их тиунов ... и по доivotчиков* (с. 115), за исключением фразеологизма с Им.п.: *... в холопи не примати никому* (с. 116). Законодательно необходимая конкретность содержания юридических документов, когда ручаются за кого-либо, свидетельствуют что-либо, ссылаются на кого-либо, требует конкретности референта, что влечет за собой формы Р=В. В большинстве контекстов законодательного документа речь идет о порицании конкретных событий, которые имели, имеют или будут иметь место. Именно этим, а не поздним временем создания списка, объясняется регулярность Р=В мн.ч., безразличная к лексической семантике. В различных *Сказках, челобитных* и др. деловых текстах засвидетельствованы только формы Р=В мн.ч. (50) без каких-либо исключений, например: *шлетца на пирожников и на кашников и на квасников, которые тѣт же торгѣют на Красной площади* (Челоб. квасника А.Симонова. 28 июня 1686 г., л. 143, 353), в том числе многочисленные примеры Р=В мн.ч. *людей*.

Тем не менее вплоть до конца XVII в. эти слова даже в деловой документации встречаются иногда (особенно в предложных конструкциях) в формах И=В, хотя значительно реже, чем в формах Р=В.

«Стоглав» – источник сведений по социально-экономическим, политическим, нравственно-религиозным и бытовым вопросам истории России XVI в. По нему мы можем судить о сущности и особенностях мировоззрения в эту эпоху и правовом положении различных слоев общества. Форму Р=В мн.ч. можно встретить у наименований детей, умерших людей, слуг: старых слуг и вкладчиков изводят (Стоглав, 269); детей крестят такоже во единой патрахели без риз, и младенцев умерших такоже отпевают без риз (Стоглав, 273).

Формы В.п. мн.ч. сохраняются прежде всего в цитатах из церковных книг и при переходе на соответствующий стиль речи, отражающий особенности религиозного мировоззрения: *чтобы им Господь бог умножил лет живота их и даровал бы им сыны и наследники царствия* (Стоглав, 278). Эта форма несет в себе значение абстрактности, обобщенности или неподвижности, вытекающее из семантики переходного глагола *по-/у-ставить*. Следующие контексты реализуют значение 'поставил своей волей – и они стоят': *Да устроил по всем землям моего государства старосты и целовальники, и сотские, и пятидесятские по всем градом и по пригородом, и по волостем, и по погостом, и у детей боярских и уставные грамоты пописал* (Стоглав, 267). Царская власть на земле сопоставляется с Божьей властью на небе. Поэтому смысл речей царя – в реализации своей царской власти и своей воли, которой подданные должны беспрекословно подчиниться. Ср. вариативность в Главе 6: *...да к ним избирати десятицких добрых же священников искусных житием непорочных же. Также и по всем градом уставити старосты священники десятицкие, где сколько пригоже в котором городе, а по селом и по погостом, и по волостем по всей земли уставити у попов десятицкие священники. <...> добирати священников и дьяконов «установления»?* (Стоглав, 278). Глаголы с аблативными приставками (приставками движения) *из-* и *до-* (перен. глаголы движения) дополняются Р=В как падежом предела. Глаголы с локативной приставкой (приставкой покоя) у-распространяются И=В. Большую консервативность ж.р. по сравнению с м.р. в отношении Р=В подтверждает пример из Гл. 93: *Писано бо есть в четвертом царстве: «И созда Манасие требник... и проведе чада соя по огню... и сотвори волишебницы и угадателей»* (Стоглав, 370). Суффикс *деятьель* – *тель* способствует форме Р=В. Показательно, что даже в таком позднем памятнике сохраняется архаическое оформление существительного *гость*, проявляющее его собирательный смысл: Гл. 100: *безпрестани гость бывает день и ночь* (Стоглав, 375).

Представлены результаты анализа независимой сплошной выборки примеров с Р=В и В.п. во мн.ч. из «Уложения 1649 г.», подтверждающие авторскую концепцию вариативности П.Я.Черных (1953) и В.Б.Крысько (1994) оставили без внимания вариативность в пределах одного предложения, которая весьма показательна. Так, Черных отметил употребление В.п. мн.ч. в именах ж.р. в словосочетании *выдать замуж*: Гл. XI. 3. и *которые крестьяне, будучи въ бѣгахъ, дочери свои дѣвки, или сестры, или племянницы выдали за*

мѹжь за крѣстьянѣ тѣхѹ (Ул. Ал., 80). Однако ученый не обратил внимания на противоположный пример, который в сравнении весьма показателен: Гл. XI. 19. крѣстьянскихъ дочерей дѣвокъ или вдовъ ѹчнѹтъ отпѹскать нѣтъ за-мѹжь за чьихѹ людемъ или за крѣстьянѣ (Ул. Ал., 83). Изменение смысла в сторону разрешенной *самостоятельности действий (активности)*, выраженное глаголами, влечет изменение падежной формы, сигнализирующее ослабление синтаксической связи: *выдать дочерѣи*, но *отпѹскать нѣтъ дочерей*. А если продолжить цитату, то мы снова увидим В.п., не упомянутый у Черных: А выводѣ имати за тѣхъ крѣстьянскіе дочерѣи по договору (Ул. Ал., 83). Здесь объекты по статусу приравнены к вещам.

Интересно, что в памятниках религиозного содержания, где форма Р=В от существительных в ед.ч. встречается чаще всего, существительные во мн.ч., как свидетельствует собранный нами материал, довольно долго (вплоть до XVII в.) сохраняют форму В.п., что объясняется особенностями *религиозного мирозерцания*, выводящего представление о *самостоятельно активном* из понятия о *конкретном и единичном*.

Вторая глава «Вариативность форм Р=В и И=В в обозначениях животных в языке донационального и раннего национального периода» начинается с раздела, проясняющего восприятие животных глазами древнерусского книжника. Референциальная однородность животных и человека, имеющая общиндоевропейские истоки, подтверждается *культурологически*. Животный мир (в широком смысле, включающем и человека, и человекоподобных богов) противопоставлен растительному миру как наделенный «духом», «способностью дышать». По русским, украинским, македонским поверьям, звери, как и человек, имеют душу (Moszyński 1967 (II); Филиповић 1939). Внутри группы «человека-животных» противопоставление мира «людей» миру «животных» в древнейшей индоевропейской традиции осуществляется прежде всего по признаку *дара речи*. Христианство также видело в животном «душу живую», пусть и бессловесную: *не тако ѡдшо словесноу имѣѹща, нѣ тако боу хотѹщую* (о лъве в СП, 187). Показательно, что названия подкласса «одушевленных» в классе «живых» совпадают в основном с еще более древним активным классом, в бинарном делении именной системы на *актив ~ инактив*, тогда как названия растений, в частности деревьев, как правило, соотносятся с древним *инактивом*, во многих случаях позднее переосмысленным как женский род (Гамкрелидзе, Иванов 1984 (II)). С древнейших времен животным приписывали также *символическое* значение.

Результаты исследования жанрово-стилистического распределения сингулярных, а затем плоральных падежных форм в позиции прямого (по аналогии – и косвенного) объекта в обозначениях животных свидетельствуют, что те объекты, которые являются значительными для пишущего, употребляются, как правило, в форме Р=В. В случае же исполнения второстепенных ролей (*осъль*), когда активность персонажа не обозначена или «затушевана» активностью главного «героя» (*лъвъ*), выбор форм Р=В и И=В может быть обусловлен самими разными факторами, которые в конкретном высказывании могут высту-

пать в совокупности – так появляется варьирование, сигнализирующее о неустойчивости статуса объекта.

Вариативность Р=В и И=В у нелично-одушевленных имен удерживается особенно устойчиво потому, что *взгляд на животных* может быть *разным*: животное может фигурировать как особый персонаж и как объект акционального использования. Последним и объясняется факт длительного сохранения И=В от названий животных в деловых и бытовых текстах. Ср.: *львъ же погоуѣвъ ослѧ* (СП, 184) и *коупать ослѧ въ потрѣбѣ себѣ* (СП, 185). В народе домашнее животное, как и другие виды собственности, рассматривалось прежде всего как *средство существования и жизнеобеспечения* владельца. Таково происхождение лексемы *живот(ы)*: 1146: *а жита пожгли и весь животъ мон взяян есте* (Моск. лет., 38). Зачастую животные выступают как *дары*, приравниваясь по статусу к вещам: 1147: *и да ему Юрьн парадус* (Моск. лет., 39); 1478: *а явил бочку вина да жребецъ* (Моск. лет., 323). В обоих Судебниках дополнения, обозначающие животных, не засвидетельствованы. Слово *боран* обозначает здесь не животное, а плату за нарушение межи. При описании церковных обрядов в «Стоглаве» лексема *агнец* (5) стоит всегда в форме И=В ед.ч., например: *проскомидию творят и святыи агнеци закалывают* (Стоглав, 280).

В Моск. лет. нами обнаружено только 2 примера Р=В от наименований животных в ед.ч. Именно поэтому они весьма показательны. Сопоставление примеров со сложным дополнением проясняет смысл варьирования Р=В и И=В: 1) если объект является частью *пассивного оборота* (т.е. не является действующим объектом), он сохраняет форму И=В: *вндѣша конь оскѣланъ* (страд. прич.); 2) если объект является частью *активного оборота* (т.е. является действующим объектом), он принимает форму Р=В: *вндѣ ослѧ, стояща на мѣстѣ* его (действ. прич.). Причина фразеологизации выражения *всѣд на конь*, которое удерживается в русском языке довольно долго, в частой повторяемости ситуации (ср. объяснение в предыдущей главе *послати посол*). *Всѣд на конь* – изменение позиции, местонахождения воина (каузировать себя самого находиться на коне). Конь рассматривался, в отличие от других животных, как средство передвижения: *поворотн конь* (развернулся, сидя на лошади). Однако *анафора* может разрушить даже речевой штамп, например: 1247: *вшедше столпа оного вндѣша конь оскѣланъ*, никим же держим *осовѣ* стояще, и секира на нем, и от сего *извѣстнѣше разумѣша* помощи *божиен быти*. И тако *самодержецъ всѣд на коня оного* и изыде на *противныхъ* (Моск. лет., 140).

В рукописи XV в. «Книга, нарицаемая Козьма Индикоплов», отличающейся консервативностью в отношении Р=В, среди имен сущ. м.р. в ед.ч. имеют, как правило, Р=В не только личные имена (собств. и нариц.) – названия *взрослого человека*, но и обозначения таких *животных*, как *ефѣлантъ* (1), *конь* (1), *делфинъ* (2), *хелонъ* (2), *змин* (1). Зафиксированы только в И=В ед.ч. обозначения животных семантически мотивированы: *аспид* (1), *гадъ* (1) – *обобщающий* смысл подчеркивается определительным местоимением; *овенъ* (2) – речь идет о знаках Зодиака.

Как известно, позднее форма Р=В распространяется на названия животных во мн.ч.

Так, в *Моск. лет.* засвидетельствована только форма В.п. от множественных наименований животных (данные приводятся в таблице).

В законодательных документах в силу юридического взгляда на животных как на животы (*пюют и из клетей животы грабят* (Стоглав, 308)) – движимое имущество – вплоть до XVII в. сохраняются формы В.п.: и *те лошади пятнают* (Уст. зем. гр. 1552 г., 230); *А учнут в городех или в волостех непродажные и доморощенные лошади пятнати* (Суд. 1550 г., 119). Других имен существительных во мн.ч., обозначающих животных, как управляемых лексически переходным глаголом, в *Судебнике 1550 г.* нет.

«Стоглав» содержит только формы В.п. от разных наименований животных (6). В цитатах из *Божественного писания* и других религиозных источников, которыми изобилует памятник, – также В.п.: *Якоже и сам Христос бог наш вшед во святую церковь и обрете в ней продающая и купующая волю и голуби, и сотвори бичь от верви, и изгна безчинных из церкви, и дики о провержи, и продающим голуби рече...* (Стоглав, 301).

По заявлению П.Я.Черных, специально обследовавшего «Уложение» 1649 г., во мн.ч. существительные, обозначающие животных, птиц и т.д., имеют только форму И=В и что «исключений из этого правила не имеется» (Черных 1953: 257). Однако П.С.Кузнецов приводит пример Р=В мн.ч. из «Уложения»: *птиць прикормить* (Кузнецов 1953). Затем в литературе появляются новые примеры из этого памятника (Горшкова, Хабургаев 1997). Ввиду такого разнобоя в данных мы провели независимую сплошную выборку из «Уложения 1649 года». В форме И=В мн.ч. (как с предлогом, так и без предлога) засвидетельствованы следующие обозначения животных (23): *лошади* (8), *пчелы* (5), *бобры* (3), *птицы* (3), *собаки* (1), *свиньи* (1), *кобылы* (1), *коровы* (1), *овцы* (1), *звери* (1). Форма Р=В зафиксирована только в Гл. X от слова *птиць* (3). Представлена попытка распознать мотивацию, которая движет составителем документа при выборе той или иной падежной формы. Исследователи, к сожалению, мало обращают внимания на тончайшие оттенки смысла, которые отражает варьирование форм в одном и том же контексте. В таких случаях оно не может быть случайным: 216. *А кто зѣлаетъ въ своемъ угодые птичью приваду, и ꙗ той привады птиць прикормитъ, а иной кто по недружбѣ тѣ птичью приваду испортитъ, и птиць от той привады отгонитъ, или ꙗ той привады ꙗчнетъ птицы ловити насильствомъ, или ꙗчнетъ стреляти* (Ул. Ал., 65); 217. *А бѣдетъ кто такую птичью чюжую приваду испортитъ, измажетъ дехтемъ, или чеснокомъ, или инымъ чѣмъ нигдѣ, и тѣмъ птиць отъ той привады отгонитъ* (Ул. Ал., 65); 233. и *зѣбрь и птицы нсѣ того лѣсѣ тѣмъ пожаромъ отгонятъ* (Ул. Ал., 66). Вполне закономерно, что именно в оглавлении кѣто *звери* и *птицы* отгонитъ (19 – Черных 1953) и в п. 233 лексемы имеют форму И=В: эти предложения менее конкретны, более обобщенны по содержанию. В п. 216 и 217 ситуация изображается весьма конкретно и наглядно, сочетание глагола сов.в. и Р=В дополнения отражает энер-

гичность и динамику событий. И=В в *птицы ловити* мог быть обусловлен неконкретностью, неопределенностью действия, выражаемого глаголом несов.в., к тому же в форме инфинитива.

В текстах религиозного содержания Р=В стал употребляться примерно в одно и то же время как для названий лиц, так и для названий животных, хотя типично деловое (хозяйственное) содержание, представленное контекстами из разных жанров, объясняет факт только спорадического появления Р=В от названий животных. Варьирование падежных форм в речи протопопа Аввакума показывает, что русский человек выбирал необходимую форму исходя из *содержательной* нагрузки: *погубил овцы своя – дал овечок*.

И все же даже в свете этих фактов мы не можем отрицать формирование категории единичного лица мужского пола, которая уже к концу древнерусского периода проявляется во всех именах мужского пола безотносительно к семантике и синтаксическим условиям (хотя пережитки, конечно, встречаются).

Анализируются методологические недостатки исследования А.Граннеса (1998), посвященного неличной одушевленности в русском языке XVIII в. Представляя *процентное соотношение* старых и новых форм аккузатива, историк языка оставляет нерешенным самый главный вопрос: какова причина «застревания» формы И=В в определенных им 24,38% в Петровскую эпоху (1700–1721)? Переключение внимания с количественных показателей на качественные (семантику конструкций, потенцируемую ЛЗ управляющего глагола) открывает вполне четкую закономерность. Следует говорить о потенцируемой широком контекстом семантике пассивности (или активности). Представлено объяснение только одного случая (0,70 %) И=В в конце XVIII в. – *он ел свои вши с удовольствием* – несколькими благоприятствующими факторами: притяжательным местоимением, значением «пища» и низким рангом десигната. Однако, удачно взяв в качестве эпиграфа к своей статье широкий контекст данного выражения (*Доктор Гавриил Клаудер упоминает об одном человеке, который с удовольствием ел живых, недавно пойманных вшей... он... ел свои вши с удовольствием, так, как прекрасное какое-нибудь кушанье*. (История насекомых... М., 1794), автор упустил шанс, который предоставляет исследователю наличие варьирования в одном и том же контексте. Методологически более правильным было бы выявление сдерживающих и потенцирующих семантику одушевленности факторов на основе сопоставления семантики двух конструкций. Так, хотя в обеих конструкциях дополнение зависит от глагола *ел*, в первом случае налицо эксплицитно выраженные факторы, способствующие актуализации объекта (характеристики *самого объекта*, привлекающие к нему внимание) и потенцирующие семантику одушевленности: определение объекта как одушевленного посредством прилагательного *живых* и как активного посредством причастного оборота *недавно пойманных*; во втором же случае, наоборот, можно отметить несколько факторов, потенцирующих семантику неодушевленности: на первый план (в результате инверсии и уточнения) выступает характеристика *самого действия* (*ел с удовольствием*), эксплицитно выраженное сравнение с кушаньем, причем с подчеркиванием его качества (*прекрасное*). Низкий ранг десигната является интегральным, а не дифференци-

альным признаком в обеих конструкциях, поэтому не проясняет употребления $I=B$ в рассматриваемом контексте. Притяжательное местоимение обычно влияет не само по себе (оно может участвовать в формировании самой разной семантики), а лишь в составе пассивной семантики конструкции в целом – именно в этом мы видим причину существования прямо противоположных взглядов на роль притяжательного местоимения – как сдерживающего фактора (Кедайтене 1961) и как фактора, способствующего выбору $P=B$ (Klenin 1983).

Не отягощенная проблемами смысла статистика не только не проясняет ситуацию варьирования, является бесполезной по сути, но искажает картину развития категории одушевленности.

В третьей главе «Вариативность именных форм $P=B$ и $I=B$ в современном русском языке» на обширном материале оригинальных текстов и базы НКРЯ показана *неизменность* самого механизма варьирования.

В именах «неустойчивого статуса» (названиях микроорганизмов, морепродуктов, грибов, действующих лиц художественных произведений, игрушек, механизмов и др.) вариативность порождается возможностью *двойного восприятия* объектов. $I=B$ используется для обозначения абстрактных, неопределенных объектов со слабой степенью индивидуности, т.е. объектов вообще, как класса каких-либо предметов; $P=B$ – для обозначения конкретных, определенных, существующих в данный момент, непосредственно наблюдаемых, с высокой степенью индивидуности объектов. Важны размер живого организма, который соотносится со степенью его индивидуности, а также доступность объекта непосредственному наблюдению и изучению (ср.: *крупные рыбы – моллюски, микроб – вирус*).

Корпусное исследование подтверждает, что словоформа *кукол* ($P=B$) более популярна в современном русском языке, чем *куклы* ($I=B$), за исключением устойчивого выражения *играть в куклы*, которое употребляется в 93,8% (45 примеров), нежели выражение *играть в кукол*, которое употребляется только в 6,2% (3 примера). Словоформа $P=B$ значительно преобладает в текстах любого стиля, за исключением разговорного (возможно, в связи с небольшим количеством искомых примеров). В большинстве случаев $P=B$ *кукол* употребляется, когда речь идет об определенных куклах («сигналят» обстоятельства места). Может подразумеваться равнодушное отношение к предмету (об особой близости данного предмета к субъекту «сигналят», в частности, притяжательные местоимения). Слова в неопределенном значении могут принимать форму $P=B$ под воздействием одушевленно маркированных глаголов, олицетворяющего контекста. Способствует этому и прямое сравнение с людьми. Форма $I=B$ *куклы*, в основном, употребляется, когда речь идет о куклах вообще, а также при неодушевленно маркированных глаголах. Таким образом, варьирование падежных форм имен существительных, имеющих *неопределенный статус* в сознании говорящих, идет по прежнему руслу, повторяя механизм развития категории одушевленности, наблюдаемый с древнейших времен.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ формулируются основные выводы и обобщаются результаты исследования.

Факты истории языков свидетельствуют о соотносительности принципов *языкового моделирования* с формами познания внеязыковой действительности. Если вспомнить удачное сравнение предложения с маленькой драмой, игрой актеров и обстоятельствами (Теньер 1988 [Tesièrre 1959]), то история русского языка, которую являют нам разновременные и разножанровые тексты, свидетельствует о появлении «зрителя» нового типа: от *зрителя-наблюдателя* (пространственно-метонимическое мышление русских летописей) – к *зрителю-мыслителю* (причинно-метафорическое мышление религиозных текстов). Конкретное (*пространственно-метонимическое*) мышление находит *поверхностное* выражение в *глубинной* (семантической) оппозиции «предельность / непредельность». Формирование абстрактного (*причинно-метафорического*) мышления привело к необходимости *поверхностного* выражения *глубинной* (семантической) оппозиции «переходность (*действующий и страдающий*) / непереходность».

Угасание древнейшего *генитивного* управления и изменение падежных противопоставлений в древнейшей и.-е. системе было обусловлено развитием *нового типа* мышления и связанного с ним *развития категории переходности / непереходности*. Изменения в представлении глагольного действия в диахронии привели к новым конфигурациям глагольного предложения: от актуальности конкретной пространственно-временной шкалы *достижимости* – *предельности* к актуальности новой метафорически переосмысленной причинно-следственной шкалы *переходности* – *результативности* (эффективности) и формированию падежа прямого объекта. Это способствовало переосмыслению объектной семантики при потенциально (лексически) переходных глаголах: от объекта как *предела действия* к партитивному в широком смысле объекту как «неполностью охваченному действием» по аналогии с прямым объектом как «полностью охваченным действием».

Оппозиция одушевленности / неодушевленности в русском языке предстает как одна из реализаций универсальной пространственной (*протоязыковой*) дихотомии ВНЕ («*перемещение как внешнее движение*») ~ ВНУТРИ («*покой / внутреннее движение*»), лежащей в основе представлений о мироздании и поэтому закодированной в поверхностных структурах различных языков мира.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях** автора:

I. МОНОГРАФИИ:

1. «Одушевленность ~ неодушевленность в структуре предложения». СПб.: Нестор-История, 2011. 148 с. (9,25 п.л.). ISBN 978-5-98187-927-2.
2. «История категории одушевленности в русском языке». СПб.: Нестор-История, 2011. 224 с. (14 п.л.). ISBN 978-5-98187-843-5.

II. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ:

3. «*Lingua Latina*: Морфология имени». Краснодар: КубГУ, 2006. 36 с. (2,1 п.л.).

III. СТАТЬИ в ведущих рецензируемых журналах¹, входящих в ПЕРЕЧЕНЬ периодических научных изданий, утвержденный ВАК:

4. «О влиянии православного энергетизма на формирование категории одушевленности / неодушевленности в русском языке» // **НДВШ. Филологические науки**. 2010. № 5–6. С.66–75 (0,6 п.л.). ISSN 0130-9730.
5. «К вопросу о развитии неличной одушевленности в истории русского языка» // **Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика**. 2010. Вып. 3. С.142–149 (0,7 п.л.). ISSN 1813-1921.
6. «"Формула одушевленности / неодушевленности" в обозначениях множества лиц в языке Московского летописного свода конца XV века» // **Вестник МГОУ. Русская филология**. 2011. № 6. С.13–20. (0,6 п.л.). ISSN 2072-8522.
7. «Категория одушевленности в раннем древнерусском тексте» // **Известия Южного федерального университета. Филологические науки**. 2011. № 4. С.148–158 (0,7 п.л.). ISSN 1995-0640.
8. «Проявление скрытой категории посессивности в позиции прямого объекта в языке летописей» // **Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки**. 2011. Т.153, кн.6. С.33–41. (0,6 п.л.). ISSN 1815-6126.
9. «*Подали устрицы. Или устриц?* Категория одушевленности / неодушевленности в обозначениях морепродуктов» // **Русская словесность***. 2011. № 5. С.29–34 (0,5 п.л.). ISSN 0868-9539.
10. «Знакомство с одушевленными и неодушевленными существительными на уроках» // **Русская словесность***. 2004. № 2. С.55–58 (0,3 п.л.).
11. «Аспекты изучения темы "Глаголы переходные и непереходные" в VI классе» // **Русский язык в школе***. 2011. № 12. С.23–28 (0,5 п.л.). ISSN 0131-6141.
12. «Урок на тему "Подлежащее" в VIII классе» // **Русский язык в школе***. 2005. № 3. С.44–47 (0,3 п.л.). ISSN 0131-6141.

IV. ПУБЛИКАЦИИ в материалах МЕЖДУНАРОДНЫХ конференций:

13. «GENITIVUS NEGATIONIS в славянских языках: к проблеме генезиса приглагольного родительного падежа» // **IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»** (20–23 марта 2010 г., МГУ им. М.В.Ломоносова, г. Москва). 894 с. С.62–63 (0,2 п.л.). ISBN 978-5-211-05818-7.
14. «Абстрактная локалистическая модель как глубинная семантика категории переходности / непереходности» // **Современные подходы к исследованию ментальности: сборник статей (включает материалы LX Международной филологической конференции. Секция «Язык и ментальность», СПбГУ, 14–19 марта 2011 г.)**. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. 639 с. (Се-

¹ Журналы, включенные не только в *российскую* (РИНЦ), но и в *международную* (SCOPUS) системы цитирования, отмечены звездочкой*.

- рия «Славянский мир». Вып. 6). С. 470–477 (0,5 п.л.). ISBN 978-5-85119-047-7.
15. «Пространственная дихотомия *вне ~ внутри* как основа семантического устройства грамматических категорий» // Континуальность и дискретность в языке и речи: Материалы III Международной научной конференции (Краснодар, Кубанский государственный университет, 4–6 октября 2011 г.). Краснодар: КубГУ, 2011. 236 с. С.67–69 (0,2 п.л.).
  16. «К вопросу о вариативности В=Р и В=И в памятниках письменности XI–XIV веков» // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XI Кирилло-Мефодиевские чтения» 18–19 мая 2010 г.. ГИРЯ им. А.С.Пушкина. Москва–Ярославль: РЕМДЕР, 2010. 612 с. С.204–209 (0,4 п.л.).
  17. «Животные глазами древнерусского книжника» // Материалы VI международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Гуманитарные науки и образование. Ч. II. Тольятти: Волжский университет им. В.Н.Татищева, 2009. 368 с. С.160–167 (0,4 п.л.).
  18. «О выборе формы винительного падежа слова “куклы”» // Материалы Международной (российско-болгарской) Интернет-конференции «Славянская филология: инновации и традиции» (10 мая – 10 июня 2009 г., Ставропольский государственный университет) // <http://conf.stavsu.ru/conf.asp> (в соавторстве: 0,3 из 0,4 п.л.).
  19. «К вопросу о развитии категории одушевленности в русском языке (на материале рукописи XV в. «Книга нарицаема Козьма Индикоплов»)» // Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры» (V Чтения памяти академика О.Н.Трубачева), Алупка, 25–30 сентября 2008 г. / Материалы конференции. Киев–Москва, 2008. 248 с. С.57–62 // www.trubachev.ru (0,4 п.л.).
  20. «Об истоках категории одушевленности в русском языке» // Континуальность и дискретность в языке и речи: Материалы международной научной конференции (Краснодар, Кубанский государственный университет, 17–20 октября 2007 г.). Краснодар: Просвещение-Юг, 2007. 320 с. С.97–99 (0,4 п.л.).
  21. «О некоторых закономерностях варьирования формы винительного падежа в письменных памятниках древнерусского периода» // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Выпуск 1. Материалы международной научной конференции (Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, 3–7 октября 2007 г.). Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2007. 360 с. С.161–163 (0,3 п.л.).
  22. «О возможных причинах грамматической невыраженности категории одушевленности в именах существительных *feminina singularia*» // Проблемы современной лингвистики: Материалы международной научной конференции (Баку, 18–20 мая 2005 г.). Баку: Бакинский славянский университет, 2005. С.118–120 (0,1 п.л.).

23. «Родительный падеж в значении винительного как маркер неполной синтаксической переходности в русском предложении» // Международное образование: итоги и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею Центра международного образования МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва, МГУ, 22–24 ноября 2004 г.). М.: Ред. Изд. Совет МОЦ МГУ, 2004. В 3 т. Т.2. 314 с. С.214–222 (0,8 п.л.).
24. «К вопросу о развитии категории одушевленности в обозначениях человека» // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, КГУ, 4–6 октября 2004 г.): Труды и материалы. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И.Ульянова-Ленина, 2004. 364 с. С.182–184 (0,3 п.л.).
25. «О выборе формы В.п. для существительных, обозначающих живые объекты реальности» // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: международная интернет-конференция (май 2004 г.). М.: МГУЛ, 2004. 445 с. С.100–110 (0,9 п.л.).

V. ПУБЛИКАЦИИ в материалах межвузовских конференций:

26. «О причинах несоответствия лексико-грамматического признака «одушевленное / неодушевленное» и научного понятия «живое / неживое» (на примере названий действующих лиц художественных произведений)» // Совершенствование методики преподавания как условие модернизации высшего профессионального образования: Материалы VI межвузовской научно-практической конференции (Новороссийск, НФ ПГЛУ, 18 мая 2007 г.). Пятигорск–Новороссийск: ПГЛУ, 2007. 100 с. С.30–32 (0,2 п.л.).
27. «О причинах несоответствия лексико-грамматического признака «одушевленное / неодушевленное» и научного понятия «живое / неживое» (на примере названий мифических существ)» // Совершенствование методики преподавания как условие модернизации высшего профессионального образования: Материалы V межвузовской научно-практической конференции (Новороссийск, НФ ПГЛУ, 5 мая 2006 г.). Пятигорск–Новороссийск: ПГЛУ, 2006. 112 с. С.53–55 (0,2 п.л.).
28. «Трансформация значения одушевленных существительных в предложных конструкциях» // Совершенствование методики преподавания как условие модернизации высшего профессионального образования: Материалы IV межвузовской научно-практической конференции (Новороссийск, НФ ПГЛУ, 12 мая 2005 г.). Пятигорск–Новороссийск: ПГЛУ, 2005. 126 с. С.54–57 (0,2 п.л.).
29. «О “теоретических переворотах” в лингвистике» // Совершенствование методики преподавания как условие модернизации высшего профессионального образования: Материалы III межвузовской научно-практической конференции (Новороссийск, НФ ПГЛУ, 24 мая 2004 г.). Пятигорск–Новороссийск: ПГЛУ, 2004. 141 с. С.64–67 (в соавторстве: 0,1 из 0,2 п.л.).

30. «Маркированные падежные окончания как источник речевой экспрессии (на примере категории одушевленности в названиях кушаний)» // Совершенствование методики преподавания как условие модернизации высшего профессионального образования: Материалы III межвузовской научно-практической конференции (Новороссийск, НФ ПГЛУ, 24 мая 2004 г.). Пятигорск–Новороссийск: ПГЛУ, 2004. 141 с. С.75–78 (0,2 п.л.).
31. «О скрытых категориях в грамматике» // Совершенствование методики преподавания как условие модернизации высшего профессионального образования: Материалы III межвузовской научно-практической конференции (Новороссийск, НФ ПГЛУ, 24 мая 2004 г.). Пятигорск–Новороссийск: ПГЛУ, 2004. 141 с. С.81–83 (в соавторстве: 0,1 из 0,2 п.л.).

VI. СТАТЬИ в сборниках научных трудов:

32. «О причинах преобладания формы родительного-винительного падежа в именах собственных в древнейших славянских памятниках» // *Европейские языки: историография, теория, история*. Вып. VI (межвузовский сборник). Елец: Изд-во Елецкого госуниверситета, 2007. С.72–78 (0,4 п.л.)
33. «К вопросу о влиянии некоторых лексико-грамматических факторов на развитие категории одушевленности в русском языке» // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 3: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. В 3 ч. Ч.3. 254 с. С.93–96 (0,5 п.л.).

Общий объем публикаций – 35,75 п.л.

ОНУТ, филологический факультет СПбГУ
190034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11

Подписано в печать 28.12.2011

Тираж 100 экз.

102